

№ 1 (4)
2020

Традиции
& АВАНГАРД

Коллектив авторов

Традиции & Авангард.

№1 (4) 2020 г.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63111587

Традиции & Авангард. №1 (4) 2020 г.: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-907350-21-2

Аннотация

Новый номер журнала «Традиция & Авангард» – перед вами.

Снова собраны под одной обложкой поэзия, проза и драматургия. Соединяются классическая манера с поиском новой формы – иногда в творчестве одних и тех же авторов. Разное и даже противоположное сочетается в яркую и многообразную общность, каждая часть которой неповторима, но по-особому звучит вместе с другими.

Кем бы вы ни ощущали себя – консервативным ценителем традиций или любителем смелого авангарда, – этот журнал предназначен для вас. Читайте – и перед вами откроется все богатство современной литературы.

Содержание

Проза, поэзия	4
Валерия Онищук	4
Глупые	6
Екатерина Некрасова	52
По всей земле включали свет...	53
Никита Гузь	59
Сестра	60
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Коллектив авторов
Традиции & Авангард.
№ 1 (4) 2020 г

Проза, поэзия

Валерия Онищук

Валерия Онищук родилась в городе Екатеринбурге в 1996 году. Окончила Екатеринбургский государственный театральный институт, кафедру истории театра и литературы (руководитель – Н. В. Коляда). Участница Всероссийской школы писательского мастерства в Уральском федеральном округе. Публиковалась на литературном портале «Textura». Живет в Екатеринбурге.

Глупые

Повесть

Мы бежали по лугу, шутили и хохотали. Вскоре мне перестало так казаться. Я подхихикнула, Алина сказала, что это у меня нервное. Она попросила открыть глаза и вернуться в реальность – вот от кого этой фразы точно нельзя было ожидать. Я даже не помню, над чем я смеялась. Наверное, это стресс, давящая сверху плита, будто я потерялась в темном больничном коридоре без фонарика. А всюду бегают монстры. Как в том фильме, да.

Поздно вечером мы с Алиной покидали все свои помады в сумки и поехали к ее другу. Она мне утверждала, что у него можно хорошо расслабиться, а именно это мне сейчас было необходимо. Вибрирующие светом киоски, прибедняющиеся в свете больших магазинов, раздутых чувством собственной важности, улыбающаяся бледно-желтым грязь и фонари-космонавты – все улетело мимо трамвайных окон по своим овечьим делам. Странно было сознавать, что завтра у меня своих овечьих дел не будет. У всех они есть, а у меня уже нет. С этими мыслями, восторгаясь чувством своей никчемности, я все сильнее царапала свои руки, пока Алина не хлопнула меня по ладоням. Сестра сказала, что мы едем в никуда и выглядеть должны подобающе. На мой вопрос: «Как именно?» оскалилась тишина.

Друг Алины жил в низине города, в дачном поселке около трассы. Это место было замороженным, как она рассказывала. Там никогда ничего не случалось, даже простой соседской ругани слышно не было. Среди мировой усталости здешние люди были норвежцами. Или просто замкнутыми в своих делах настолько, что не было ни сил, ни времени гадить другим.

Сестра повторила мне его имя раза четыре точно, но запомнила я его, когда он вышел нас встречать, прошлепал в зеленых сланцах по первобытной грязи: Володя. Он причмокнул и улыбнулся. У Володи передние зубы были с гнильцой. Пока мы пробирались по узкой тропинке к дому, я шепнула Алине, что мы тут не позднее двенадцати. Она лишь кивнула, а это значило, что мы тут, пока Алина не захочет домой. «Я устала», – сказала я. Алине все равно. Алине безразлично. Алине по фигу. «Воздух у вас чистый, несмотря на то, что трасса рядом», – обратилась я к Володе. Он причмокнул и улыбнулся. Мне пришлось тоже губы кривить.

Мои ожидания кошмара не оправдались. Комната в доме была неестественная, но аккуратная. На половом коврике зеленой гуашью – SMOKE. То же слово было написано и на стене напротив входной двери. Мы с Алиной разулись и надели зеленые пляжные сланцы, они были из некомфортных, пластмасска посередине натирала между большим пальцем ноги и указательным. Я подумала, что нельзя покупать такие сланцы, когда едешь на море. Эта пластмасска будет втирать

тебе мысли о неудобствах, оставленных где-то в холодной Рашке.

Эта пластмасса. Эта пластмасса была зеленой. Мне импонировал зеленый. А в комнате было много зеленых вещей. Длинношерстный ковер, ниточки из которого кошка старательно выдирала и учила этому двух пушистых комочков. Сестра даже взвизгнула от прилива милоты, когда увидела бесящихся котят. Диван был с зеленой жженой обивкой. На пододвинутом к столу кресле лежало зеленое полотенце. Оно несло крест быть подстилкой под пятую точку.

Меня удивило, что на стене рядом со словом SMOKE были прикреплены зеленые пластиковые тарелки. Они висели в три ряда, по пять в каждом. Некоторые чистые, а на остальных были нарисованы черным маркером обычные вертикальные палочки, будто хозяин дома вел счет. Может, баб считал. Или выигрыши в ка-эс.

Больше всего в друзьях Алины меня бесила непонятность, они вели себя по-дебильному, а жили и вовсе сверхъестественно. К тому же в своих речах они творили разгерметизацию логики, я часто не могла уловить смысл проговариваемого. Порой меня накрывала мысль, что они прячут от меня важную идею, а делают это потому, что либо мне не до конца доверяют, либо считают недостойной. Я же считала себя достойной и доверия, и достоинства, но все равно бывало приторно горько.

Они все были туманными, поскольку ежедневно пытались

перепрограммировать свою психику с терзания на наслаждение. Одни химичили, другие поддерживали идею о натуральном кайфе. Низкоамбициозные мальчики и девочки блуждали в кустарных садах своего ягодного рассудка, чаще не находя там плодов. Черника размазывалась, она пачкала пол, пачкала перегородки между отсеками мозга... Черника похожа на пульсирующие венки, которые синеют, когда пережавала флу, когда ночью не спишь, когда тремор, Алина тогда пыталась заменить соль, но сделала только хуже; я потом выкинула ее таблетки, да сколько можно уже, Алина, возьми себя в руки, хотя бы в мои...

Алина со всей силы хлопнула меня по руке, я от неожиданности подпрыгнула на диване. Подумала, что надо прийти в себя, расплылась в улыбке, попросила чай. Володя сказал, что чая нет, только сок и кола, но он может еще достать из подпола компот. Не, не надо. Изысканный шутник по имени Андрюша сказал, что чифиристов тут не любят. И заржал чуть громче соседской дрели. Моя сестра решила поддержать его стремление быть забавным... Тогда чуть подсоленной воды.

Володя улыбнулся и причмокнул. Это его смакование момента на все сто подходило к его пухлой внешности, он весь напоминал панду за процессом поедания бамбука. Такие неуклюжие толстяки вызывали во мне чувство умиления и материнского сострадания, мне хотелось затискать его до смерти, но одновременно и отобрать его любимые плюшки.

Сынок, надо меньше жрать. Тебя не будут любить девушки. Ты станешь ботаном-программистом с комплексами. Потом комплексы начнут жрать тебя... Володя не парился, у него никто не отобрал плюшки.

Володя сказал:

– Знакомь, Алина.

Алина промычала в ответ невнятное.

– Я Андрей. Ты Наташа, так? Мне Алина говорила. Поэтому знаю. А с Володькой мы давно. Как дела, Натаха? – спросил Андрюша.

– Мы год знакомы с тобой, – ответила я.

Андрей сказал:

– Неожиданно.

Алину прорвало:

– Володька, мы приехали кайфануть. Наташу сегодня уволили с работы, где она горбатилась... Сколько, ватрушка? Да, два года... Если бы ее не уволили, никогда бы ты сестру мою не увидел, ноги бы ее тут не было, да, ватрушка? Поэтому давай без вот этого всего, ставь шарманку, компот доставай, будем наслаждаться этой тухлой жизнью... И че у тебя так холодно, не топят?

Володя сказал:

– Сам себя не топлю.

– А зачем ты воду соленую пьешь? – спросил меня Андрюша.

– Зарабатываю камни в почках. Говорят, потом продать

можно.

Мне было не смешно, а Андрюша адски загоготал. При всей поразительной Андрюшиной бестолковости лицо у него было настолько благородным, будто он происходил из какого-то именитого рода герцогов, известных своим бескорыстием и честностью. Отец Андрюши расстался с его матерью, потому что они не поделили дорогую софу с тигровой обивкой. Мне было без разницы, насколько правдива была эта история. Я знала, что Андрей в тот момент решил уйти ото всех богатств и опуститься на дно, да на такое, где плавают виды рыб, еще неизвестных человечеству. Думаю, вместе с Андрюшей можно было опустить парочку ученых.

Хотя он свел бы их с ума своим гоготанием. А еще Андрюша любит травить байки про бомжей... Пока что я не бомж, но без работы можно приклеиться к этой касте года за три. При усердных стараниях.

Я сказала сестре:

– Напомни мне оплатить коммуналку за три месяца вперед.

– Ага. Володька, а зачем тебе пушистики?

Володя ответил:

– Этих можно продать тыщ за десять каждого.

– Какая порода? – спросила Алина.

– Хайленд-страйт. Шотландская прямоухая.

– А где Дженис? Я хочу Наташе показать.

Володя ушел в другую комнату, что-то нашарил, прита-

шил нам красивую собаку породы корги. Восторгу сестры не было предела. Я не любила собак. Она заграбастала Дженис себе, кружилась с ней на месте, приговаривая: «Маленькая бессовестная любимая пельмешка!». За все детские реакции моей сестры мне становилось стыдно перед людьми, я переглянулась с Володей, тот улыбнулся, Андрюше было вообще не до этого: он что-то искал в ящике стола. Пришлось и мне успокоиться.

Наконец Андрюша нашел, что искал. Он извлек из утробы ящика ржавую большую банку из-под «Московского» кофе, пододвинул к дивану журнальный стол и с восторгом водрузил ее на него. Что это, господи. Напоминает шаманские игры. Теперь мы будем танцевать с бубном вокруг банки и воспевать растворимый кофе? Алина дала Дженис свободу, хлопнула ее по попе и опустилась на колени рядом с журнальным столом. Володя улыбнулся и причмокнул, отодвинул одну из зеленых пластиковых тарелок, из углубления в стене достал зип. Пакетик был полон бошек.

Я спросила:

– А банка зачем?

Алина ответила:

– Чтоб ты задавала глупые вопросы.

– Через нее, – сказал Володя.

– Понимаешь, она потом такая вся прокуренная, мы соскребаем внутренности и курим их. От них жестче кроет. Они на жести оседают, – пояснил Андрюша.

Алинина любимая пельмешка крутилась у меня под ногами. Я подумала, что у меня с Алиной общего... Ничего. Ровно ничего общего. Подобно банке, на жести внутри Алининой головы оседала пыль семнадцати лет. Она навсегда осталась в угарной комнате, где свет извне схватывала только свободная от штор оконная полоска.

Зелень сыпалась сверху на банку, где были сделаны узкие дырочки. Внизу на стенке отверстие побольше, куда вставлена пластиковая трубочка. Коктейльная трубка. У нас вечеринка олл инклюзив, выжимающая соки из твоего сознания. Володя сказал вдыхать. Вдыхаю как могу, потом кашляю, Андрюша смеется. Я думала, какого черта он так надо мной смеется, потом поняла, что он ржет просто так. Я хочу смеяться так же. Я хочу смеяться, будто у меня за душой нет ничего. Будто там просто пустота, просто пустота, а не тягостная неопределенность с мраком.

Рыбы, глотайте ртом дым. В комнате нечем дышать. Али-на напротив сладко улыбается, Андрюша улыбается кисло, а Володя – горько. Они смеются.

Володя сказал:

– У меня такой план... Я подумал, что лучше, лучше...

Он прерывался диким хохотом, речь прерывалась бешеной веселостью, он не мог довести мысль до конца, она съедала сама себя до того, как появлялась на свет.

Десять минут, пятнадцать минут, двадцать минут прока-тились мимо меня яростным гоготом. Почему же мне тоск-

ливо так? Я потеряла работу. Нам не на что будет жить. Ранно или поздно нас выгонят из квартиры. А раньше – выключат свет. Запустят крыс. И тараканов. Чтобы мы сами ушли. Крыс? Тараканов?... Я попросила Володю сыпануть еще.

Алина, сквозь смех:

– Хватит ей.

Сестрина фраза в голове повторилась эхом. Я беру банку в руки. Так приятно держать ее. И дым кажется цельнозлаковым. Мне нравится, что я больше не кашляю.

Я спросила:

– А тарелки зачем?

Володя ответил:

– Это? Это синтоизм. Это буддизм. И даосизм. Сколько я... В общем, сколько я раз туда попал.

Я спросила:

– В религию можно попасть?

– Вляпаться. Да, – сказал Володя, опустил голову на диванную спинку.

Я же знала, я же знала, что все Алинины друзья алогичные. В журнальном столе было что-то интересное, красное с биением блеска, или просто мои глаза создавали прекрасное, я думала, что хочу сделать этот процесс долговременным, в жизни так мало прекрасного... Превосходного, красивого, желанного.

Тут меня охватила космическая глупость, и я захохотала погано и громко, чуть сама не оглохла от счастья. Какая пре-

красная вещь, смеялась я, какая она забавная! Взяла в руки красную шутовину, та хотела меня заблестить, потом утечь, я знала, но мне сильно хотелось сохранить ее изящную наготу у себя в ладонях... Наташа, это степлер. Положи на место. Алина, зато он красненький. Как нос Деда Мороза. Как рябина осенью. Икеевский плед у нас дома, флакон духов сестры, старая бабушкина сумка. Не хочу думать о бабушке. Сейчас не хочу. На работе красная папка. Над ними всеми надо посмеяться, они жалкие, а я, а я работала здорово, здорово...

Потом я решила, что диван для смеха – место неподходящее, сползла на пол, там лучше. Мне советовали не ложиться, но так же лучше. Дженис такая мягкая, как я раньше этого не замечала. Пол деревянный, безмолвный. Он интересный. Смех бросил меня. Я улыбнулась и закрыла глаза.

Поцелуй полнотелый, я поправляю платье, оно утекает складками на золотой пол. Я говорю, что отойду припудрить носик и сладко улыбаюсь, чуть не смеюсь от блаженства. Вокруг кротость, много столов, люди пришли за красотой. Дамы ломают руки, чтобы принять более элегантную позу. Они все раскладываются на золотые частички. Серьги и кольцо, браслеты и диадемы. Везде золото, и я... Я золотая. Пол золотой. Проплываю меж столов, усыпанных цветами, там и мой стол тоже. С моим полнотелым поцелуем, голубиным, нежным. Проскальзываю в дверь уборной. А где, где мое платье?..

Бабушка, родная, почему ты тут?.. Тебе нельзя сидеть на сквозняке. Я вижу убогую комнату в деревенском доме, тут нет жизни. Бабушка, тебе тут не место. Газеты шныряют по полу, норушки, уносятся в открытую дверь, в открытую форточку. Я их не ловлю, мне не нужны они, мне не нужен мусор. Я хочу уйти, забрать бабушку с собой. Тебе нельзя сидеть на сквозняке. Она просит сходить покормить собаку. Я слушаюсь, выхожу во двор. Вокруг сырость, пол затоплен, газеты везде, поплывшие заголовки. Я подняла одну, не могу ничего разобрать. Отчего-то смеяться хочется... Во дворе Тобик, иди сюда, иди, хороший. Боже, да он весь седой. Шерсть будто покрасили. Ты же был чернышом, нет? Мельком припоминаю, что я его боюсь. Он меня укусил. Но теперь он боится сам, он смотрит, смотрит, смотрит куда-то. Да куда же. Потом подходит, и я понимаю, что сейчас он умрет на моих руках. Мне становится страшно, я хочу отвести Тобика в тот зал, где много мягкости и золота. Он скулит. Воеет. Хочу просто уйти.

Захожу обратно в дом, я дезориентирована, мне хочется смеяться или выть – этого я тоже не пойму. Бабушка, мне кажется, Тобик умрет. Бабушка отвлекается от ловли газет. Ее взгляд соленый, землистый.

Бабушка говорит:

– Ничего на обед не получишь, если не найдешь Алину.

Я не нахожусь с ответом сразу, потом:

– Мы же сестры, бабушка.

Я ухожу куда-то, там был наш чердак. Кричу: «Алина! Алина, Алина, Алина!»

Пахнет жженым. Ручка от двери чердака упрямится, она холодная, пальцы болят. Это не наш чердак, но мне нравится. Я попала в утробу мира, останусь тут. Комната обита розовыми пульсирующими венками, а в углу сидит Чума. Я знаю ее по имени, я не понимаю ее облика. Посередине стул, я встаю на него. Повторяю громко-громко, постепенно ускоряясь: Алина. Алина. Алина. Алина. Алина. Алина. Алина-АлинаАлинаАлинаАлинаАлина-А-А-А-А.

Натаха. Натаха. Мне уже не смешно, кто-то произносит мое имя.

Андрюша, наклонившись надо мной:

– Натаха, Натах, тут с Алиной че-то. Не спи, а. Слышишь?

Не сразу схватываю, где нахожусь, но встаю с пола. У Андрюши красные глаза. Володя так и сидит на диване, опустив голову. Алину колотит в истерике, она то бормочет, то ревет. Дыхание перехватывает. И снова, снова.

Алина, из внятного:

– Я хочу снова... рукой эту лейку, зеленую лейку с красным... скажите мне, почему я не могу, не могу, не могу этого... почему не могу взять рукой... ее... оранжевые... приятно... закат и солнце... почему почему почему почему почему...

Заревела, после:

– Бабушка всегда говорила поливать грядки, а я не дела-

ла, почему, почему сейчас только... это так... всегда Наташа одна делала... я хочу лейку, цветение в садке... мальчишек... через забор.

Я опустилась рядом с Алиной на колени, обняла ее:

– Я здесь.

Алина ответила:

– Тут.

И заревела – как слониха, потерявшая ребенка.

Я сказала ей:

– Ребенок, пойдем дышать.

Мы вышли с ней на крыльцо. От ее красивых помадных губ, черничных обведенных глаз и румяных щек не осталось и следа. Лицо сестры начало стекать с черепа вниз, это выглядело жутко, но меньше любить ватрушку я не стала. Бывало всякое.

– В нигде люди именно так выглядят? – спросила я.

– Заткнись, пожалуйста. Неспециально.

Алина закурила благовонную палочку «Кисс-десерт» с удушливым конфетным табачком внутри. Мне было так жалко ее. Моя дурочка хотела посмеяться и кайфануть, а в итоге наревелась вплоть до третьей мировой.

Я прошептала:

– Смоук.

В небе мерзли белые зайчики. Их обнимали синие волки. Кучные полнотелые волки. Я вспомнила про зеленый поцелуй. Один из зайчиков подмигнул мне.

Алина прошептала:

– Зайчики.

Я улыбнулась, утвердительно кивнула.

– Наташ, поцелуй меня, – попросила сестра.

– Зачем?

Она затаилась, выпустила едкость, потом ответила:

– Мне страшно. В губы.

Стало неудобно, будто рядом не Алина, а Чума.

Я сказала:

– Надо бросать тебе.

– Мне кажется, сестры целуются лучше любовников.

Мне кажется, пора копить деньги на ее госпитализацию.

Мне кажется, ей нужен покой. Мне кажется, ее все достали.

Мне кажется, скоро ее достанет Чума... Меня никто не учил

произносить мысли вслух. Это птички, не желающие поки-

дать клетку. Алина не ляжет в больницу, она не сможет от-

казаться от мира, который она сглатывает с каждой таблет-

кой, вкуривает с каждым косяком, снюхивает с каждой до-

рогой. Мне было тяжело ее тащить, а ей было вдвойне тяже-

лей просто жить. И неясно, кого из нас двоих тоска охватила

больше.

Я выдохнула:

– Нафиг иди.

Убитый огород. Все, что нужно было Володе для жизни, росло внутри дома, подальше от чужих глаз.

Я спросила:

– А что Володя ест?

Будто не слышит.

– Наташ, – Алина замерла, уставилась в дрему сада.

– Ага.

– Там кто-то есть, Наташ, – Алина пальцем показала, – заморозь ее. Заморозь же ее, черт побери!

Алина заплакала, я ее прижала к себе, Алина, Алина, все, хватит, пора завязывать, там никого нет. Она резко остановила слезный поток, и:

– Ты права. В дом.

Внутри зеленый забеременел салатovým. Глаза отвыкали от сумрака крыльца. Володя очнулся, Андрюша не заснул, они улыбались. Мы с сестрой сели к ним на диван.

Андрюша сказал:

– После бошки можно и по плюхе.

Алина пасанула, я тоже. Но Андрюше надо было хоть что-нибудь получить:

– Аalinka, может, амур?

Это было противнее всего, что я когда-либо слышала. Моя голая ступня очутилась в кадке, полной червей. Указательные пальцы обеих моих ладоней засунули в ноздри противным старикам. Я ненавидела неприкрытую похоть. Ситуация не располагала, так какого же черта ты так открыто пристаешь к моей сестре... Может, я ее ревновала. Может, я ревновала любовь своей сестры.

Алина ответила:

– Иди ты.

– Натах, может, ты тогда? – Андрюша премерзко мне подмигнул. Как-то технично, будто это не его глаз и не его веко. Вот он, киберпанк, который мы заслужили. Возвышенные вещи мы доводим до статуса привычки и успокаиваемся в своем болоте.

Всегда так. Мне достаются остатки. Тот фен, что не захотела Алина, снюхаю я. Того мужика, что не захотела Алина, заташу в койку я. Ту шмотку, что Алина больше не хочет носить, буду дотаскивать я.

Я ущипнула Алинку за ляжку. Мне хватило. Хотелось туда, где есть чай.

Андрюша что-то заподозрил, поэтому заактивничал:

– Девчонки, ну че вы, в самом деле...

Он повис над нами, начал расстегивать ширинку.

Сестра шепнула мне:

– Рванули.

Долго ждать меня не надо было. Я подбежала к вешалке, схватила свои сапоги и пальто, выплыла наружу на волне неприятия и авантюризма, который остался от травяного прихода. Алина догнала меня за пределами Володиного участка, она даже не потрудилась переодеть обувь, забрала только куртку.

Она сказала:

– В сланцах че-то холодно, погнали быстрее.

– Твоя куртка шевелится, – ответила я ей. – У тебя живая

опухоль.

– Котенок стоит дороже моих рваных кроссовок.

Я сказала:

– Ватрушка.

Под курткой у нее был пушистый комок, малыш не плакал, только удивленно таращил маленькие глазки.

Алина недовольно пробурчала:

– Сама ты ватрушка. Холодно.

Двое зеленых даже не собирались нас догонять. Наверное, весь Андрюшин пыл остыл с новым приходом.

– Мы никому не нужны, – сказала сестра.

– Больно надо.

Мы сами себе создали приключение, будто в детстве. Будто бабушкин садок и зеленая лейка. Я тоже скучала, вспоминала, но наши с Алиной две громадные боли плыли параллельно друг другу. Мы ни разу не обмолвились, будто нам плохо. Каждая переживала разрыв самостоятельно, один на один с собственной Чумой.

До дома мы добрались быстро, я просто вызвала такси, предварительно сказав Алине, что это последний раз, что мы больше не сможем себе позволить. Кроме твоей любви у меня ничего больше нет – Алина.

По пути заехали в магазин, единственно работающий, купили Вискас для котят. Я знала, что, наверное, этим котят кормить нельзя, это как бичпак для человека. Но зоомагазины уже не работали. Малютка будет рад хоть чему-то.

А что, если бы родители остались живы, они бы по-другому, да, они бы по-настоящему, а мы плохие дети, да, мы плохие заменители их генов? – Алина.

Сестра попросила постоять с ней, покурить на улице. Потом попросила занести котенка домой, а мне выйти. Вернулась, ее не было, она выпрыгнула из куста рядом с подъездной дверью и оглушительно засмеялась. Резко прекратила.

А что, если нам не следует жить? – Алина.

Алина, нам следует больше спать. Рыбы, глотайте ртом дым, потому что вам нечем больше дышать. У вас нет альтернатив.

А все-таки, чем мы заслуживаем эту жизнь? – Алина.

Ничем. Не хочу разбираться. Не нравится мне это.

Да ладно. Дурашка ты моя. Да я же шучу.

Дома были свет, чайная кружка с маками, включенный на «Культуре» телек с какой-то программой по разбору провокационного фильма, диван и стенной ковер. Сестра накормила маленького ушастого, попыталась затащить его с собой в кровать, но у нее ничего не вышло. Котик ушел блуждать по квартире. Алина, я пошла умоюсь, убавь звук, спать. Я чертовски устала, рухнула в мягкость.

Ночью тревожная рука Алины решила разбудить меня, я схватила ее.

Спросила:

– Что? Что такое?

Моя сестра – темный зверь, ложится под утро, а спит до

обеда, но обычно меня не будит, вот я и смирялась с этим. Она, встревоженная, смотрела у себя в комнате «Сербский фильм» и думала, что ее с картиной связывает.

Говорю:

– Зачем ты это смотришь?.. На улице – ночь, на экране – насилие, Алин, побереги себя, а.

Алина сказала мне:

– Я кое-что знаю.

– И что же?

– В этом мире я несу миссию подопытного зверька... На-
тах, не уходи. Подожди. Смотри, я постоянно что-то пробую.
Чего тебе больше всего хочется?

– Спать.

– Серьезно. Чего?

– Спокойствия, – я зевнула.

– А я знаю умиротворение. Меня пытаются, меня испыты-
вают, вот смотри, я дичь смотрю, а я спокойна.

– У тебя тремор.

– Кажется тебе.

– И зрачки туда-сюда.

– Тут же темно, ты не можешь этого знать.

Возбужденным шепотом сестра еще много чего говорила
о монополии на свою жизнь и о ставках на цветение черему-
хи, а потом разревелась. Я выключила телик, дала ей вале-
рьянки, чмокнула и ушла. Пусть сама. Не могу больше.

Удар утра мне в голову пришелся в лоб. Кудряшка щекотала нос, а прыгающие на тюле кукурузные кристаллики беспокоили закрытые глаза. Вставать не хочется. За балконом зацвела черемуха, боярыня-холодина. Я любила спать в большой комнате в мае, июле и сентябре. Самые солнечные, самые милые месяцы. Алина же всегда забиралась в подлинно темный угол – крошечную спальню, где коричневый блэкаут загораживал не только свет, но и поступление кислорода, и саму жизнь вообще.

Квартира, трехкомнатная, довольно просторная, досталась нам после смерти бабушки два года назад. Еще раньше мы жили тут все вместе: родители, бабушка, мы. В этом ряду «мы» звучит более чем жалко. Оно давно выпрыгнуло из упряжки и унеслось. Всем умершим не понравилось бы.

В большой комнате, кухне и ванной порядок поддерживала я, все остальное пространство меня не касалось. Главное, чтобы ко мне не ползли крысы и тараканы, остальное на усмотрение сестры. Змеи уж не заведутся.

У меня был угловой диван, который мы купили вместе лет пять назад. Шкаф для одежды – советского времени, шкаф для книг и посуды – тоже давний. Телевизор, компьютер, компьютерный стол. И стол для банкетов тоже стоял у меня в комнате. А еще у меня было тайное место за шторой. В детстве мы с Алиной были там, жили там, дышали там. Все игрушки оттуда со временем убрались, остались книги. На деревянном балконе я вывешивала сушиться белье и курила

втайне от сестры. Наши финансы были жестко ограничены, курить позволялось только одной. Например, неделю курит Алина, а я не курю, а потом мы меняемся. Теперь была ее неделя, но у меня всегда была пачка на черный.

Дома все продолжалось прошлым. Сестра негодовала на то, что люди умирают, а вещи остаются. Дай ей волю, она бы сожгла квартиру и все прилегающее вместе с бабушкой. Или мы соорудили бы гробницу, стаскали бы все туда. Я не могла ее утихомирить. Мне было спокойнее, что дома моя история, то, что я когда-то любила, бабушка любила, мамали. Папа любил детективы серии «Современный российский детектив», они стоят в моем шкафу. И никогда никуда оттуда не денутся.

В распоряжении сестры две комнаты. У себя в голове я называю их «для секса» и «для депрессии». Парней она водила в одну и никогда – в другую. Не знаю, что творилось в первой, я два года туда ни ногой, во второй же только иногда проветривала. Она переклеила там все. Надо было так, чтобы комната стала новой. Так в ней появились желтоватые покрашенные стены и эти стремные тяжелые шторы. Гаджеты и подсветка в потолке. Только подумать, что мы все могли, когда я получала зарплату. Не хочу завтра. Завтра для нас пока закрыто. Дождитесь очереди и пробуйте снова.

Последнее время я глодала кости. Терпела выходки коллег, которые пытались сместить меня. За спиной гавканье, в лицо улыбки. Я поправляла несуществующие очки и упорно

продолжала работать. Менять заголовки, придумывать слоганы, расширять границы русского языка. Хотя надо было бы лучше заканчивать юридический или мед. Но у нас с Алиной не было шанса получить вышку, не было на это сил. Смерть за смертью стучалась в двери.

Котенок выполз из-под дивана, начал пробовать мягкую обивку на лапки. Серая шерстка с тонкими черными полосками, серые глазки с тонкими зелеными обручами вокруг зрачка. Приятно, что в квартире живет кто-то, кроме нас. Впервые за долгое время. Свалился на спину, перекатился, смотрит на меня. Пугливо, недоверчиво. Ну, иди сюда, иди, мелкий. Какой же маленький, как же мы тебя еще не раздавили.

– Алина! Ты встала, нет? Кто будет кормить твоего кота?

Взяла на руки, такая невесомая кроха. А глазки-то у нас чуть косят.

– Алина! Ты оглохла, а?

Сонная и недовольная стоит в дверях. Насобираала опять себе синяков на ноги, ходит и ни одного угла не пропускает. Ватрушка похудела до швабры.

На кухне свет, отчего-то пахнет побелкой. Открыла окно, поставила чайник.

Спрашиваю:

– Завтракать будешь?

– Вода пахнет болотом, – пробурчала.

– Так не пей ее.

Сестра положила еду котенку в блюдо. Стоит у окна, думает о чем-то, крутит радио. Маленький прошлепал к миске. Чавкает. Довольный.

Говорю:

– Можем купить тебе обувь. Отложенные есть.

– А старые?

– Рванье. Те, поновее, ты вчера оставила там.

– Сегодня из дома не выйду, – отвечает.

Молчание тухнет, а мне так много надо ей сказать.

Я говорю:

– Поговорим, а? Я уже так не могу. С работой этой у меня мозги кипят. Мне тяжело. Давай купим тебе обувь, пока деньги есть... Надо же двигаться, решать че-то, Алина. Так вечно не может быть.

И она ответила:

– Нет.

– Ну что нет-то?

– Помнишь, как дядь Толя в деревне рассказывал, как он пьяным на тракторе в реку свалился?

«И что мне на это отвечать, Алина? Скажи мне, а?» – думаю. Она меня с ума сводит.

Говорит:

– Так вот, я навсегда в тракторе таком, он продолжает падать, падает каждый день, каждый час, каждую минуту, – вздыхает, радио крутит.

Я спрашиваю:

– Пойдем обувь покупать?

Алина со всей силы ударяет по подоконнику, подпрыгивают бабушкины фиалки, котенок убегает с кухни, а радио продолжает шипеть.

Алина говорит громко:

– Достало! Меня достало это все! Радио поганое. Надо выбросить. Оно не работает, Натах, уже не работает!

Я подхожу к радио, пять секунд – и полилась из динамиков речь. Алина уходит с кухни, где-то в квартире хлопает дверь.

Замечательно. Тихое семейное утро. Я чувствую, как мне в затылок дышит Чума. Она здесь, всегда настолько рядом, чуть ли не гладит мою ляжку. Нет. Нет. Я еще не сдаюсь.

Я кричу:

– Котейку-то как назовем? Барсиком?

– Неважно, – глухой крик-ответ Алины.

Значит, Бася. Бася, Бася – зову. Да не отзовется он. Теплое радио – будто чье-то присутствие. Нашариваю банку позади круп в ящике на кухне. В ней нет денег... Где деньги. Где деньги?!

Кричу:

– Алина!

Иду к ней в комнату, дверь распахиваю: «Где деньги?» Молчит. Я давно уже прятала свои кредитки и некоторые бабушкины драгоценности у тети Гали, соседки сверху. Она была моим швейцарским банком. Последнюю заначку я не

стала относить ей, понадеялась непонятно на что. Как же бесит. Боль во мне распахивает дверь Чуме: пожалуйста, заходите, ноги можете не вытирать, у нас и так грязно.

Алина шипит:

– Не видела денег.

В комнате у сестры пахнет паленым.

– Опять руки жгла?

– Не видела денег.

Говорю на повышенных:

– Несмешно. В банке лежала записка.

– В банке за крупами? – спрашивает.

Киваю.

– Утащили мышки.

– Ты вмазанная уже, что ли?

– Не выпалась, – буркнула.

– Последние, – я уже чуть не реву, как она так со мной, как она может так.

– Спроси у мышей.

– Дура! – кричу я, хлопаю дверью.

Это были не последние. Я собираюсь, насыпаю котенку еще еды, а то эта забудет. Жаль, что нельзя взять его с собой, здесь же просто невозможно. Долбит в голове, все долбит что-то, руки начинают чесаться. Как же я ненавижу это, дура какая, а, сколько можно. У тети Гали сверху забираю деньги мои, вот это точно последние. Остались только украшения. Неизвестно еще, когда меня рассчитают на работе. И адье,

иди, скитайся, ты хорошо работала, но нам такие честные не нужны, нет.

Успокаиваю себя в мыслях котеночком, отдышусь на пыльной улице, потом закроюсь с ним в комнате, пусть там бесится одна. Маленькие лапки и ушки. Кто-то же сказал, что это идеальные земные существа. Молчат.

Самые счастливые те, кто может убежать. Алина повторяет, иногда смакует эти слова, обводит пальцем губы, расплывается в дебильной улыбке – она под кайфом. Хочется ударить ее. Рассеченный рот, алая побежала по подбородку, капает на ее и без того грязную футболку... Сестра опускает голову неестественно, она полумертва. Может, полужива. Я наслаждаюсь видом в полной мере. Потом тащу ее через все комнаты, чтобы все замарать кровью, к балкону, скидываю тело вниз, смотрю, как куст черемухи тормозит падение. Я курю, а труп Алины лежит там, вон там, видите, плачевное зрелище.

Хватит. Хватит, перестань. Солнце мигнуло, асфальт мокрый чавкает, ест мои ноги, дети играют в классики, бабушки высаживают бледные луковицы. Иду, спотыкаюсь, хотя все время смотрю под ноги. Позади коричневой вентиляционной будки, что выходит из автомобильного паркинга, деревья в трансе кивают мне, на миг ловлю взглядом Чуму, моргаю. Там нет никого. Сестра виновата.

Мы росли здесь вместе, в этой зелени, в этом дворе, среди этих гаражей, которых нет, но я их явственно чувствую.

Ребенком развиваешься, узнаешь новое, начинаешь что-то по-другому понимать. Местность вокруг тебя тоже должна расти и изменяться, она обязана эволюционировать. Вместо гаражей пусть поставят фургон с мороженым, как в Америке. Дома выкрасят оранжевым и зеленым, пусть глаз радуется. Дворы должны становиться более красивыми по мере того, как психика из детской переходит во взрослую. Но было не так. Мы росли, а все вокруг скукоживалось. Горка покрывалась ржавчиной, качели не скрипели мило, они стонали в ужасе.

Плевать... Алина без конца ноет, ноет, что устала. Она права не имеет. Не она руководит своей жизнью, а жизнь — ею. Не работает. Живет за мой счет. Как жить... Знаю же, что она попросту стерва. Ее воспитали стервой. Нет... Нам все дали. А потом все взяли... И просто умерли. Они не имели права умирать. Почему, почему так, как могу я все это вывозить сама, мне тяжело... А она, она дрянь. Грызет меня, что устала. Ночью забирает мой телефон, когда на своем деньги кончились, потом хрен вернет, а мне как на работу вставать?.. Найду новый, куплю будильник... Эгоистично, как раз в ее амплуа. Она привыкла так. А я? Я же тоже привыкла так. Мне же плевать. Зачем я оставила деньги в банке?.. Надо посмотреть, она могла что-нибудь заложить. Надо порыться в комнате ее. Только как потом выкупать, денег же нет.

Ноги сами дошли до улицы с магазинами. Тут шумно и

пыльно, под ногами растоптанный чебурек. Прямо как мои амбиции... Перестану читать паблики в социальных сетях. Надо простить ее, сестра не виновата. На то она мне и сестра, мы бы поодиночке не справились... Она читает папины романы. Поносит их, но читает. Я видела, таскает книжки ночью. Ревет ли?..

Поливаю бабушкины цветы, Алина читает папины романы. Котенок будет играть с маминым вязанием. Жизнь идет своим чередом.

В обувном квохчут чужие бабушки, спорят, какая из двух пар мокасин менее безобразная. На кроссовки сегодня скидка десять процентов, вот и отлично. Кругом китайское дерьмо, а на нормальные денег нет. Если бы не забавы сестры, ходила бы в нормальной обуви. Виновата сама.

Беру поддельные найки коричневого цвета, надо же, даже подошва прошита... Алина будет ругаться, что они цвета поноса. Ну и пусть, зато грязь не видно. Получаю на кассе ценник – две тысячи рублей, уже со скидкой. Ненавижу свою жизнь.

Решение быть дома позже шести пришло в голову как-то само собой. За углом булочная, там никого никогда нет. Несмотря на то, что продавщица меня знает, кивает холодно, а улыбается криво. Столики здесь потертые, а вот плазма на стене совсем новая. Продавщица ухмыляется на колкие фразочки Шеремета: крокодиловых крокодилов поймали в своем черном болоте, потолок прожжен, всюду смрад, даже нет

тараканов... Черный потолок, черный пол, а стены лиловые, наверное. Пространство уходит вширь, а низ и верх давят на тебя. Я становлюсь одной из друзей Алины, я не понимаю, о чем я думаю, я грубею с каждым вдохом асфальтовой пыли.

Мне немножко страшно, я себя не чувствую, заказываю булочку с маком, прошу включить «Дневники Бриджит Джонс», первую часть, пожалуйста. Еще возьму суп, интересно, его готовит вот эта вот или кто-то другой. Ведь у них всегда суп дня. В пекарне. Небо за окном стоит немым, я же хочу, чтобы со мной кто-нибудь поговорил. Продавщица ставит передо мной тарелку с куриным супом, говорит: «И на нашей улице когда-нибудь будет праздник», кивает на экран, где начинается фильм. Кто просил тебя говорить?.. Ладно, она включила кино, на том спасибо, другие бы даже этого не сделали.

Ловлю себя на мысли, покурить бы сейчас, снюхать ли. Пару жирных дорог. Я этого хотела; я этого хочу?.. Решила. Шикану. Возьму кофе с виски. Совсем не уверена, что он ирландский, но мне же любой пойдет. Я же кто?.. Все заработанные уходили на выживание, оплату коммуналки, тональники и крема. Конечно, кроме тех денег, которые тырила Алина. Почему я так на нее зла?

Бордовая тяжелая пыльная штора, я уткнулась в нее щекой. Она закрывает от меня дорожные дыры, наполненные водой, кривоватые квадраты панелек, пробивающуюся, но уже истерзанную весеннюю зелень. Проходят наркоманы,

выпендривающиеся подростки, несчастные и нищие бабушки. Всех их вижу настолько четко, что кажется, будто и не вижу совсем. Я стала бликом.

Внутри я обыкновенно находила чердак или погреб, иногда морг. Мне до изнеможения хотелось осмотреть другие комнаты, я уверена была, что не все люди так живут. Если бы я в прошлый Новый год, в праздник, пошла бы до булочной, а мне бы там кто-нибудь улыбнулся, дела бы пошли в гору. Кто-то мог угостить меня кофе. Кто-то мог подарить мне свой шарф. Кто-то мог бы пригласить меня на каток, пусть в этот дряхлый ЦПКиО, это вообще роли не играет. Когда умерли родители, а потом бабушка, с ними со всеми умерло все хорошее, что могло быть. Я не чувствую любви, точнее, я чувствую полнотелое жгучее пусто. Выйти дайте, да вот негде, только закольцованность. Никто меня никуда не пригласит, я не умна, не интеллигентна, у меня даже нет обаяния. А рожа такая, что... Что? Что? Так. Стандартная русская рожа.

Шла третья часть «Дневников», я ревела, съела уже две порции супа, выпила три стакана кофе с виски. Никто не говорил. Никто не выключал фильм. Никто не гнал. Реальность спала. А я успела выдумать такую красивую историю о том, как я уезжаю в Норвегию, знакомлюсь с очаровательным владельцем антикварного магазина, мы расписываемся и ведем дела вместе, он читает мне лекции, чтобы я умнела, Чума отступает. Чума отступает.

А сколько времени?... Семь. Я извиняюсь у продавщицы за слезы, «разрешаю» досмотреть фильм без меня, расплачиваюсь и убегаю от наступающего к горлу вечера. Если темно, то только не по дороге к дому. Не выношу вечера, не занятые работой, всегда кажется, что у меня умирает кто-то. Веет внутри.

Мне ничего не нужно в продуктовом, но я беру пакет вина и творожки. Широкий жест последней роскоши.

Я готова влюбиться в сестру заново, если она бросит наркотики.

Алина,пусти меня! Дверь закрыта изнутри, я не могу попасть домой, болтаюсь на лестничной клетке. Вечно натыкаюсь на захлопнутые ворота, это я такая удачливая, или для всех все офф? Тетя Галя уже спускалась, прошоркала в резиновых тапочках до меня – дочка, все хорошо? Я сижу на ступеньке, лыблюсь, киваю, да, мол, все под контролем. А так, если что, заходи, чай попьем, поговорим. Наверное, так надо было и сделать.

Она открыла мне спустя полчаса. Пунцовое опухшее лицо, ладонью нос трет, чешется, голова завернута в полотенце, слоеная трубочка со взбитыми сливками. Вспоминаю, какими мы были когда-то чистыми: не пили, и не курили, и зубы чистили вовремя. Говорю это вслух. Она кивает. Думаю еще, какое лицо у нее некрасивое стало после каждодневных кутежей, не говорю этого ей. Не надо. Мутный взгляд какой-то,

Алина, ты курила?

Она на кухню тянет меня, понимаю, что-то не так. Жженое в воздухе. Ты поджигала руки? Кивает. Не-ет. Иду в гостиную, около дивана лужа, пахнет пивом, нет, не лужа, это целый пивной океан, хоть сейчас заплывай. На ковер не попало?.. Ты же знаешь. Алина, ты же знаешь правила? Алина? Сядь. Посадила ее на кресло. Что это?.. Ревет. Нет, слушай, ты не революция, ты не костер и не бензин даже, ты – разочаровавшаяся идея.

Бульбик валяется на диване.

Знаешь. Когда уходила, я думала, что все будет хорошо. Я приду, а мы помиримся. Вот, новые кроссовки... Какого черта ты курила у меня в комнате? Ты знаешь, что это важно?.. Я не смогу тут спать.

Где раскладушка?! Где чертова раскладушка? На, тут еще творожки и вино. Все, хватит, хватит с меня твоих слез и угрызений совести, ты – дура. А, ты в курсе. Так, один шаг к решению проблемы – ее осознание. Мне нужна раскладушка, я посплю на кухне... Все изгадила. Пепел по всему столу, ты! Боже, меня уже трясет, почему я, почему я, почему я должна все это убирать? Я же не должна... А кто?! Кто убереет? Ты, что ли?

Она перелилась на диван, скукожилась в углу. У нее футболка цвета обивки, мягкость обняла ее, гладит по голове. Невыносимо тяжело, я хочу развидеть этот срач. Сажу на стуле, обхватила руками шею, вспомнила, как в иной жиз-

ни бабушка связала желтый свитер с салатовыми бусинками, крохотными, я пошла в нем в школу – меня отругали, почему я не в форме. В тот день Алина залила мой свитер кефиром из зависти. Вот так. Я не говорю этого вслух. Мне неинтересно с ней разговаривать... Но надо же что-то решать.

Спрашиваю:

– Так, кто здесь был?

Скороговоркой отвечает, ребенок детсадовский, сопلي сглатывая:

– Андрюша. Он приходил, мы покурили, я не помню, почему здесь все, сначала в комнате у меня, а потом не помню ничего, дурь какая-то... Сильная трава. Ты же знаешь, мне Андрюша нравится... В него бес вселился, мы сидели тут, свет выключили, только лампа, вообще мне реально было хорошо, это круть... Он еще уходил куда-то, в те комнаты, я тут... И потом он меня за руку схватил, бес вселился, ну, на пол свалил меня. И пивом облил.

– Чего? Просто так?

– Ну еще это...

– Все говори.

Сестра еще больше в угол зажалась, плачет, трет глаза. Лепечет:

– Пиво открыл, я на полу сидела, он сверху на меня лил... Я ревела и кричала, чтобы он прекратил... Он говорил, что я шлюха и тварь полная, что вообще я должна бесплатно всему району давать, прямая обязанность... И ударил меня вот, вот

здесь, – показывает на правую щеку, опухшую чуть больше, чем левая.

Я ей должна что-то отвечать на это? Типа, Алиночка, все будет хорошо? Ты уронила полностью, не, ты потопталась сама же на своем человеческом достоинстве. Ты официально никто. Тебя нет.

Говорю:

– Тебя нет, Алина.

Спрашивает испуганно:

– Зачем ты сказала?

– Почему я всегда должна тыкать тебя носом в твое же говно?.. А ты кормила котенка?

– Я забыла, прости.

Так и знала, нужен он ей. Да и я хороша тоже: не зашла в зоомагазин, не купила нормальный корм. Вот интересно, что мы будем давать пушистику, если самим есть скоро будет не на что.

Спрашиваю:

– А где он?

– Не видела давно. Испугался, да?

– Ты ела что-нибудь?

Отвечает:

– Нет.

– Сопли вытри, иди пожарь яичницу, я кота искать. Потом уборка.

Алина встала, аккуратно обошла лужу пива, засуежилась

чего-то, ведет себя как наказанная школьница. Я по-киска-ла в гостиной, пошла проверять кухню. Коридор прошари-ла, тоже нигде нет. Маленькое создание забилося в темноте, чтобы не видеть местных ужасов, вот и все.

Или не все. Ванна была вся в дыму, у нас хреново работа-ет вентиляция, видимо, Андрей тут курил. Крохотное серое тельце лежало на резиновом коврике без движений. Полуот-крытые глазки и такие маленькие смешные лапки. Я опусти-лась на пол. Так хотелось завывать. Прощарапать сквозь бума-гу, металл и бетон ход наружу. Уйти навсегда, развидеть и забыть.

Кричу:

– Алина!

Сестра прибегает. Даже не сняла еще полотенце с головы.

Говорю:

– Все в дыму. Тут нечем дышать.

Она опускается рядом со мной на колени:

– Смерть пытается добраться до нас, да?

– Мы убили невинного ребенка, – говорю ей.

– Наверное, Андрей накурил его.

Мы не люди. Мы неведомые звери. Мы опустошаем про-странство вокруг. Мы срем и радуемся, что у нас хорошо вы-ходит.

Почему его, почему его, не меня?.. Басенька, слишком ра-но.

Плакали, улыбаясь. Мы положили его в коробку из-под обуви на мамину пряжу. Алина натаскала в коробку своих любимых невидимок. Это походило на дурной ритуальный обряд, мы держались как могли. Наркотики – убивающая иллюзия счастья. Просыпаясь, ты видишь перед собой Чуму, а тишина вокруг ехидно смеется. Я не хотела этого.

Алина шептала (почему шепчет?):

– Наташ, я помню, как мы возвращались с бабушкой на такси тогда. Мне не верилось. Будто пожеванный металл связывается с нашими родителями. Они должны были выпрыгнуть на ходу и улететь, да?.. Кровь и железо, а потом за окном такси мелькали эти... Рекламные плакаты. Ипотека. Новые коттеджи. Корм для животных. Я помню каждый по очереди.

Отвечаю:

– Я помню, бабушка плакала. Мы молчали. Нас не позвали на опознание, почему?.. Там же были наши родители.

Шепчет:

– Вот смешно, да?.. Ты едешь домой, в своей машине, скорость нормальная, дорога ровная... Из-за поворота вылетает пацан, который только купил тачку, решил напиться.

Отвечаю:

– И тебя нет больше. Тупой анекдот. Ты воспитываешь детей, покупаешь новую сковороду, а в этом нет смысла. Все обрывается так смешно и быстро.

– Я заварю чай, – говорит громко, соскакивает со стула.

Она ставит передо мной кружку. Мы такие дети. Мы за-

копали маленького на заднем дворе дома, где побольше кустиков, чтобы собаки не пролезли.

Алина спрашивает:

– Мы же там не котенка закопали, да?

Чай горячий слишком. Я не хочу ни о чем думать.

Алина:

– Наташа, отвечай. А давай... Давай так. Я не могу так больше. Ты думаешь, я не знаю? Думаешь, мне легко? Ты работаешь, я веселюсь... Но я не веселюсь. Мне больно. Мы должны вместе, как ты говорила. Я хочу все бросить. Мы продадим квартиру и уедем.

Я отвечаю ей сквозь слезы:

– Мы навсегда тут. Ты не поняла?

Сестра молчит, ей не понравился мой ответ, недовольно ерзает на табуретке... А вдруг получится, она бросит все гадости. Мы уедем, далеко-далеко, где сможем купить дом и ухаживать за овцами.

Легонько начинаю:

– А мы купим дом с овцами?

Безумная радость у Алины в глазах, кидается ко мне, обнимает.

– Купим же! – кричит.

Мы бросим все сразу. Курить, наркоманить, пить. Мне будут нужны обезболивающие и таблетки для желудка, будет нелегко. Ты поможешь мне? – Алина. Мы должны будем переварить все ситуации, ватрушка, я не могу так больше. Ты

права, мы должны больше разговаривать. А еще найти бы психолога, да? Ты поможешь мне? – Алина.

Потом сестра говорит серьезным тоном:

– Ты давно не отдыхала нормально, ватрушка. Предлагаю устроить прощальный вечер. Поедем тусить. А завтра стоп.

Если она к этому все вела, я готова выброситься с балкона к Барсику прямо сейчас. Я просто хочу надеяться, что вся эта слезливая речь не для того, чтобы выпросить у меня деньги на скорость.

Смотрю ей в глаза:

– Ты сама-то веришь, что так заканчивают? Завтра точно будет стоп?

У нее во взгляде нет растерянности, решительное сестрино «точно». Я верю в это? Я верю в это?!..

Оказывается, у нее есть грамм на черный день. Это было бы очень милым фактом, если бы не было остальных обстоятельств. Нам будет много этого, надо как-то незаметно сыпануть часть в унитаз, а то Алинин вечер может закончиться в скорой. Получается, она не хотела выпросить у меня деньги. Действительно все?..

Краем глаза весь вечер вижу Чуму в углу кухни. Иногда мне кажется, что комната начинает пульсировать. Вены на стенах кухни... Брать или не брать?.. Это же неуважительно по отношению к котенку. В голове капает кран, некому сменить прокладку.

Занюхаем же смерть! Мы сидим такие интересные, накра-

шенные и со стрелками, в новых платьях из секонда, ждем такси. Сестра чертит банковской картой белые дороги на кухонном столе.

Говорит:

– Мы же купим другую клеенку на стол? Эта вся в соли.

Отвечаю:

– Купим.

Не вполне осознаю, что я делаю. Как со стороны стало все видно.

Сестра спрашивает:

– Или тебе колпаком удобнее?

– Черти уже.

Снюхиваем, в носу горечь непереносимая, я чихаю, Алина смеется. Белая мука поднимается облачком над столом от моего чиха. Такси приехало, мы бежим к нему, как к кораблю Ноя. Добрый вечер, доведите с ветерком. Огни за окном мягко проникают внутрь, обволакивают душу, я чувствую прилив сил, переливающимися волнами он топит меня в себе же. Мне хочется все выложить сестре, что у меня есть, что скопилось, а еще обсудить, почему реклама со стендов кажется такой манящей... Реклама. Алина спрятала зип в лифчик, там не найдут.

Я ведь совсем не хочу в клуб, мне непременно нужно оплакивать смерть кота. Мы говорим с сестрой о том, что он был таким маленьким и пушистым, он совсем не заслужил смерть, ее заслужили мы. Но не будем об этом. Давай пого-

ворим, каких животных заведем, когда переедем. Мы будем о них заботиться, Алина, загугли, какой именно корм едят овцы, у нас же не альпийские луга, чтобы они довольствовались травой. Наверное, сено надо заготавливать. Ты опять проболтала все деньги на телефоне?.. Я никогда не чувствовала себя лучше, чем сейчас, сестренка, я так люблю тебя, послушай, ведь я и мир люблю. Мы совсем единые... Давай я посмотрю. Кукурузный силос, смешанный с грубыми кормами и бобовым сеном... Чушь какая-то. Где мы возьмем бобовое сено?.. А еще кого ты хочешь, Алина? Почему ты смеешься? Грубые корма – это сено, так, солома, сенаж... У меня руки трясутся. Экран телефона кажется больше. Когда мы выходим?.. Нет, не отбирай у меня телефон, мне интересно узнать все об этом новом мире, в котором раньше меня не было.

Чума отступила, я так этому рада, она перестала маячить за каждым углом. Послушай, я хочу такие же шторы у нас в доме, желтые, как у прабабушки были, помнишь?.. А, мы выходим. До клуба пять метров, мне так хорошо, я готова всех обнимать, только сердце сильно колотится, я стараюсь не слушать его. Алинка на паранойе, думает, что найдут эску. Но при шмоне ничего не нашли... Мы внутри.

Мы внутри звенящей темной машины, мы в самой утробе, только почему так громко, сестра, ведь мы не сможем разговаривать!

Алина кричит:

– А ты не говори! Ты танцуй!

Она кидает меня в эпицентр скопившихся потных тел, мне не очень это нравится. И на самом деле мне и музыка такая не нравится, она в обычное время вовсе пугает. Будто выворачивает тебя, нутро наружу. А сестра отрывается как может. Она скачет под это техно, будто оно было создано для нее. Я закрываю глаза... Тун-тун-тун. Вот и вся незатейливая мелодия. Покачиваюсь. Меня тошнит.

Кричу:

– Алина, меня тошнит!

Кричит в ответ:

– Непутевая!

Идем в туалет, там сестра достает сигареты. На фильтре есть ямка, ею она зачерпывает эску, снюхивает. Целый колпак, алле. Брала бы по половине хотя бы. Мне она дает меньше, я втягиваю в себя, тошнить начинает больше. Унитаз рядом, кидаюсь к нему, из меня выходят яичница, все, что я пила, и, кажется, часть желудка. Ненавижу это.

Умываюсь, смотрю на себя в зеркало, чувствую свою все-сильность.

Недовольно бурчу:

– Алина, я ненавижу, когда меня тошнит. Я ненавижу, когда меня рвет. Ты знаешь!

Алина смеется, отвечает:

– Кушать надо было меньше.

Так чертовски жжет нос. Проверяем обе, нет ли под нозд-

рями муки. Все ок. Мы выходим из туалета, выходим из клуба покурить. Сигареты кажутся неинтересными, ждешь от них одного, а получаешь ничего.

Рассказываю сестре, как хочу обустроить дом, каким должен быть наш быт, чем мы должны заниматься. Задумываюсь о мельчайших деталях, мне это доставляет как ничто никогда до этого. Мы болтаем без умолку, иногда в приливе чувств обнимаемся.

Второй раз заходим в клуб, он мне уже не кажется столь неприятным, я начинаю схватывать атмосферу. Кажется, что я стопроцентно ей подхожу. Свет белый, мерцающий, а комната красная. С черными полосками на потолке. Эти полоски как вены, как пульсирующие венки, я начинаю задумываться о прошедшем дне, о потерянной работе... Стоп. Тун-тун-тун. Алина рядом танцует, руки взлетают вверх, барахтаются там, потом опускаются. Будто дельфины появляются из воды на несколько секунд. Мне хочется поделиться своими мыслями, я выдергиваю Алину из психоделической кашицы тел, кричу, что все, поехали домой.

Сестра мне в ответ:

– Пешком пошли!

Во время часовой внеплановой прогулки мы только разговаривали. Все время перебивали друг друга. Нас захлестывали эмоции, мы не могли выбрать наиболее важную тему, потому что все они были значимыми. В каком-то парке в кустах снюхали еще по колпаку, потому что меня начало коло-

тить от холода, одеты мы были совершенно не по погоде. Интересно, что холод не чувствуется, на него реагирует только тело. Так, дома я обнаружила свои пальцы на ногах синими.

Мне было лучше, чем когда-либо. Я не могла подумать, что так можно. Не чувствовать стеснения, плыть в ритме этого мира, не обращая внимания на голод, холод и остальные пакостные вещи.

Только под конец пути, когда мы уже подходили к дому, я начала замечать, что что-то не так. У сестры слишком сильно тряслись руки и бегали зрачки.

Я спросила:

– Ты как, ватрушка?

– Мне надо еще, много. Ранние отходняки. Но я не хочу домой. Мне дома страшно. Давай не пойдем? Просто не пойдем? Во дворе посидим.

Мы пошли домой. Она села в гостиной на пол, прижалась к батарее, быстро шептала:

– Как приятно щупать батарею, особенно когда у себя не топлено. Не тепло. Просто нечем платить. Я люблю водку, но только не и на краткосрок.

– Что ты имеешь в виду?

Я сделала ей две жирные дороги. Потом ее трясло еще сильнее. Я заварила ей чай. Она ходила вдоль стен и терлась об них, сказала только, что тетя Галя нас наверняка подслушивает. Я пыталась скормить ей валерьянку, но она только недоверчиво на меня зыркала. В это время и меня начало

потряхивать. Сестра говорила, что лучшее средство с отходосов – это водка. Только не переусердствовать, а то можно словить обморок.

Алина начала перерывать какие-то бумажки, я не могла понять, что она делает. Наконец она уселась на диван, просто смотрела, просто смотрела, просто смотрела. На меня. На стену. На дверь. Я не ждала этого, это был какой-то дурной файнал батл со смертью. Мне так казалось. Я не представляла, что творилось у нее в башке. Она сходила умыться, начертила себе еще.

...

Алиночка, родная моя, мы должны держаться вместе, слышишь, слышишь, несмотря ни на что, у нас же никого нет.

Я смеялась и плакала, обнимала ее, такую дурочку.

Она снюхала дорогу. Алина, надо отпустить всех мертвяков, надо вместе держаться.

Она заревела, как маленькая девочка, у которой все отняли, я успокаивала ее.

Что делать, если где-то там, среди густых серых-серых облаков, распорядились так. Чтобы все умерли. Чтобы родители разбились на машине. Чтобы бабушка разболелась от горя.

Алина, мы должны держаться вместе, дай мне руку, в этой руке уже все есть, нам ничего и никого не надо, родная, ничего и никого. Мы справимся.

Алина снюхала еще одну.

Я не удержалась и вместо водки взяла еще колпак.

Я не понимаю, что произошло. Ей вроде бы стало легче. Мы продолжали говорить, какой прекрасный построим дом, какие прекрасные у нас будут мужья, как мы будем счастливы. Как заведем много котят породы шотландская прямоухая.

Внезапно она отстранилась совсем, глаза бегали совсем ненормально, я испугалась. Она выбежала вон из квартиры. Я бежала за ней.

Я бежала за ней в этой темноте кустарных дворов, бежала, потому что не могу оставить ее одну. Бежала, потому что не за кем было больше бежать. Мы оставили квартиру незапертой. Но что случилось?.. Почему так? Сердце колотится. Я не могу перевести дыхание.

Алина не хочет, чтобы я к ней подходила.

Бедная металась из угла в угол. Мне было страшно на нее смотреть. Подслеповатые фонари вырезали ее тонкий силуэт на фоне серой бетонки. Алина взяла камень. Я говорила ей – пожалуйста, пожалуйста, родная, иди сюда. Родная не хотела. Еще я кричала – я не хочу, чтоб ты мучилась, дура, это все бред, бред в твоей голове. Ее трясло. Я не понимаю.

ла, где она была в этот момент. На улице лужи еще зимние почти, а она выбежала в летних шортах. Босиком. По пути споткнулась, разодрала коленку. Я продолжала громко кричать – Алина, ты просто перехавала, слышишь, Алина. Сестра меня не слышала. Где она была?.. Она взяла камень побольше. Чума стояла поодаль от сестры. Кого она ждала?.. Это был двор школы, куда мы обе в той жизни ходили, где мы смеялись и встречались с мальчиками, где мы были девушками, пахли девушками, чувствовались девушками. Не как сейчас. Алина улетела, а я заплакала. У нее ступни кровили, она бегала по весеннему асфальту. Вены на руках вздулись, а взгляд ходил туда-сюда.

Алина кинула в меня камень. Зачерствела темнота.

Ночью вчера страшно стало. Почудилось, будто Бася зашел в комнату. Маленький. Но чего бояться?.. Слезы градом.

Екатерина Некрасова

Екатерина Некрасова родилась в Северодвинске. Публиковалась в «Невском альманахе», журналах «Дальний Восток», «Двина», «Симбирскъ», «Русский писатель», альманахах «45-я параллель», «Парус», газете «День литературы». Лауреат премии имени В. Пикуля в номинации «Поэзия». Работает корреспондентом в информвестнике судоремонт-

ного предприятия «Звездочка» города Северодвинска.

По всей земле включали свет...

Стихи

* * *

А я еще застала время —
Из самовара пили чай,
Зимой у печки жаркой грелись,
Всех обсуждая невзначай

За долгой зимнею беседой.
Крутила бабушка кудель.
А за окном крутили снега,
И заносила двор метель.

А летом сено ворошили,
Сгребая после в длинный стог.
И без мобильной связи жили,
Но были связаны в клубок

Единой нитью шерстяною,
Какую бабушка пряла,
Деревней, родиной, страной.
Так жили все. И я жила.

* * *

Господи, все суета сует.
Небо разводит слякоть.
Август включает свой звездный свет —
Спрятаться и заплакать.

Мятые стебли сухих цветов
Между тетрадных листьев.
Лето закончилось, отцвело
И превратилось в мысли...

* * *

Музыка – фоном,
Мелом рисую дни.
Делаю громче или сгущаю краски.
Верила прежде я и в стихи, и в сказки.
Ну а теперь – пусть к черту идут они...

Все перепутав, делает время шаг,
Соизмеримый с жизнью в глухой глубинке,
Там не до чьих понтов, не до модных снимков.

Там ежедневно в муках растёт душа.

И мироточат лики седых небес,
Звездное вещество по лугам рассеяв.
Там плачешь ты, Россия моя, Рассея.
Бога моля, чтоб он среди нас воскрес...

* * *

Беспомощны холодные слова.
И август густ, и лето на привале.
Огнями полыхнувшая листва
Спасет меня от холода едва ли.

Упрямое бесстрашие в груди
Расскажет о невидимых истоках
Незримой силы той сентябреокой,
Что брезжит слабым светом впереди.

В потоке захудалых новостей
Иду к тебе сквозь морок и мороку.
А ты не ждешь ни счастья, ни гостей,
Но я иду... И я успею к сроку...

Во мне все хрупко, хмуро, мглисто.
Там, в глубине души моей,
Гудят стихи. Тускнеют лица
Друзей давно минувших дней.

Какое терпкое раздолье
Открылось взгляду поутру:
Я – мимолетное застолье,
Я – змей бумажный на ветру,

Застрявший в ветках грустный шарик,
О, я – немыслимый пустяк.
И пусть сегодня не в ударе,
И лучше Блок, чем Пастернак,

Но все же, все же этим утром
Открылся мне неявный смысл:
Сойди с ума – назло минутам
Остановись...
Остановись.

* * *

Была весна такая сложная.
И плыл туман... И шел снежок...
Апрель рассветами таежными
Сводил с ума и душу жег.

Рассветы, сбросив цепи темные,
По всей земле включали свет.
И даже в самой дальней комнате
Свой оставляли теплый след...

Весна, казалось, не закончится,
И вот – сегодня нет ее.
Пью «Белоночье» из флакончика,
Им заполняюсь до краев.

И первый летний день – как облако,
Как сизоватый, легкий дым,
Как сон дитя розовощекого,
Что нежен, светел и любим.

* * *

Ты бежишь от осени и снега.
От разбитых временем дорог.
Ты бежишь от теплого ночлега,
Покидая тихий городок.

Все длиннее кажутся разлуки,
Все короче – встречи на бегу.
Ты боишься холода, и скуки,
И прощальных фраз на берегу.

Старый двор, потерянная радость
И секундной стрелки громкий ход.
Что там было? Что еще осталось?
Что там дальше непременно ждет?

Не ищи ответы на вопросы.
Не беги за стрелкою шальной.
Это осень, слышишь? Кружит осень
Над твоей потерянной страной.

Никита Гузь

Никита Гузь родился в 1986 году в городе Усть-Каменогорске (Республика Казахстан), в 1993 году переехал с семьей в Алма-Ату. Окончил Центральноазиатский технико-экономический колледж и Технико-экономическую академию кино и телевидения по специальности «программист». После получения диплома о высшем образовании пе-

реехал в Калининград, где продолжил работать по специальности.

В 2013 году была издана первая книга – «Героиня романа». В 2019 году рассказ «Цена слов» был напечатан в сборнике молодых авторов Калининградской области. В том же году переехал в Москву.

Сестра

Повесть

– Ты мне больше не сестра!

Это были последние слова, которые я сказал своей старшей сестре, когда она уезжала в Америку. В тот день она умерла для меня.

Сестра была старше меня на пять лет, и в детстве эта разница казалась лишь ничего не значащей цифрой – мы вместе играли в машинки, смотрели мультфильмы, гуляли во дворе, убегали от собак... Я никогда не задумывался о том, что она старше меня, и что мои машинки ей не так интересны, как мне, и что постепенно мультфильмы стали для нее смешными, а фильмы, в которых была эта странная любовь, занимают ее все больше. Потом она стала все чаще и чаще появляться дома поздно. Я, конечно, обижался на нее, но это ничего не могло изменить, так как она была взрослой девушкой, а я – маленьким мальчишкой. Когда мне было пятнадцать лет, она познакомилась с американцем и через неко-

торое время сообщила нам, что уезжает с ним в Америку. Вначале родители не хотели ее отпускать, но после того, как познакомились с ее парнем, поняли, что он серьезный и что его любовь искренняя.

Однажды моя сестра собрала все свои вещи и вечером стала прощаться со всеми, так как ее самолет улетал рано утром. В тот вечер я и крикнул ей те самые последние слова, после которых у меня не стало сестры.

Прошло уже много времени, я работал в газете и вел литературную рубрику, в которой публиковались интервью с известными литераторами, автобиографии классиков, а также анонсы о книжных новинках. Время от времени различные издательства при помощи нашей газеты сообщали о конкурсах среди авторов, сроки выходов ожидаемых книг и другую полезную информацию. Несмотря на то, что был знаком со многими издателями и авторами, я все же не решался попросить их издать какую-нибудь из моих книг. Я почему-то боялся, да и написать хотелось что-нибудь такое, что не было бы банальным и надоевшим. Моя жизнь казалась мне скучной и надоевшей: работа – дом – работа и так по кругу. На выходных, правда, выезжали куда-нибудь с друзьями, но это было не часто, так как большинство из них были женаты. Я же был свободен, несмотря на уже не детский возраст – приближалось тридцатилетие. К созданию семьи все было готово – квартира хоть и не в центре, но большая и уютная, дорогая машина, постоянная работа с приличным окладом и

некоторая сумма денег в банке. Но все это не помогало мне найти ту единственную.

О моей сестре почти никто не знал, и все считали, что я был единственным ребенком в семье, так как дома если и стояли семейные фотографии, то на них присутствовал только я один. Фотографии с сестрой я почти все сжег еще в детстве. Пока были живы родители, сестра старалась поддерживать с ними отношения и даже как-то раз пригласила их и меня к себе, но я сделал вид, что очень занят. Мои слова о том, что для меня моя родная сестра умерла, заставляли маму плакать. Когда же родители отошли в иной мир, я даже не оповестил ее об этом, да и кого оповещать, если для меня ее не существовало. Но, скорее всего, она и сама это узнала через знакомых.

Как сказал один мой знакомый, а также психолог по образованию... нет, даже давний друг, знающий историю о моей сестре, – я не мог сойтись ни с одной женщиной, потому что в каждой видел свою сестру и ее предательство. Возможно, поэтому все попытки моих знакомых познакомить меня с прекрасной и одинокой девушкой заканчивались провалом – девушки чувствовали мое неприятие женского пола и не стремились сблизиться со мной. Постепенно я свыкся с мыслью о том, что так и умру одиноким, поэтому на предложения друзей познакомиться на свиданиях вслепую или по Интернету отвечал шуточками и махал рукой.

Выходные выдались на удивление теплыми, что было неожиданно, ведь недавно шли проливные дожди и метеослужбы пророчили нам холод и снег. Я встал рано утром: на выходных я в основном всегда спал до обеда, однако на этот раз меня пригласил на день рождения один мой знакомый и попросил заехать за ним, так как у него сломалась машина. Оторвавшись от окна и сладко зевнув, я направился в ванную комнату – принять душ, затем пожарил себе яичницу с колбасой и сыром на завтрак, а после этого стал одеваться в ускоренном темпе, так как немного задержался и мне уже давно нужно было выезжать. Одевался недолго, это раньше, собираясь на мероприятия, наряжался у зеркала часами и душился дорогими французскими духами, чтобы мгновенно привлечь к себе внимание и произвести приятное впечатление на одиноких девушек, а сейчас для меня это было в прошлом. Облачившись в черный классический костюм, а также надев черный однотонный свитер поверх белоснежной рубашки и черные дорогие туфли, я выскочил из дома.

Автомобиль мой стоял на стоянке в двух кварталах от дома, так как ближе свободных парковочных мест не нашлось. Пройти пару километров по такой теплой и солнечной погоде после почти месяца затяжных дождей было приятно для души, так и хотелось улыбаться и петь. Бабушки повылезали

ли из своих квартир и стали опять шептаться насчет меня, так как единственной темной фигурой в подъезде был я – не женат, вечно сижу дома, возвращаюсь домой затемно. Большинство из них чистосердечно считали меня маньяком и не раз сообщали об этом в полицию, когда слышали об очередном убийстве и о том, что правоохранительные органы ждут полезную информацию. Поздоровавшись с ними и насвистывая какую-то песенку, я направился к своему автомобилю, временами перепрыгивая через лужи.

Добравшись до машины, я отправился за другом.

Смотря на его жизнь, я всегда радовался тому, что был не женат. А вот он, когда-то успешный Казанова, не пропустивший ни одной юбки, самый популярный парень в школе и университете, превратился в семьянина, встречающегося с друзьями раз в год. Человек, побывавший почти в каждой стране мира по причине того, что был летчиком, превратился в преподавателя школы юных авиаторов. В общем, он стал тем, в кого всегда боялся превратиться.

Теплая погода оживила не только людей, но и пробки, которые снова стали такими, что в них можно было спать, не боясь того, что впереди стоящий автомобиль за ближайший час двинется хотя бы на пару метров. К счастью, я знал несколько объездных дорог и поэтому попал всего-навсего в небольшой затор, быстро исчезнувший. К дому друга я подъехал с опозданием минут на десять, а потом еще полчаса ждал возле дома – их тринадцатилетняя дочь долго не могла

договориться с матерью, в чем ей идти.

– Извини, Вик! – произнес мой друг, открывая дверь и садясь на место рядом с водителем, в то время как его девчонки устроились сзади.

– Да, – махнул я рукой, оборачиваясь назад. – Привет, красавица! – поприветствовал я дочку друга.

– Здравсте, – улыбнулась мне в ответ Катя.

– Как дела в школе? – поинтересовался я у нее, начиная долгий разговор – я знал, как любит девочка рассказывать о школе часами.

Меня она любила, так как год назад я устроил ей на день рождения настоящий праздник, приведя с собой на вечеринку ее любимого казахстанского писателя, подарившего ей книгу с автографом, которая к тому времени только запущалась в массовую печать. С тех пор она полюбила меня, а ее родители несколько раз даже оставляли меня с ней, когда хотели куда-нибудь пойти вдвоем. Девчонка не обижалась, если ее оставляли со мной, и больше всего любила бывать у меня на работе, ведь там во всех отделах ее встречали девушки с конфетами, и она могла свободно скачать из Интернета фотографию своего кумира и распечатать в виде огромного плаката.

До небольшого ресторана, в котором проводился праздник, мы добирались долго из-за того, что, несмотря на мои попытки объехать известные всем водителям загруженные дороги, попали в затор. И когда добрались до места празднования,

вания и вошли в ресторан, то увидели, что все уже сидят за столами и празднуют – тридцать человек четверых не ждут. Едва мы вошли, к нам подскочил официант и поинтересовался: пришли мы на день рождения или нет. Получив удовлетворительный ответ, он проводил нас к столу.

Праздник выдался веселым – каждый старался выделиться и пожелать имениннику чего-нибудь такого, чего еще не желали, кто-то даже читал стихи собственного сочинения. По причине того, что я был за рулем, в этот вечер я не употреблял спиртные напитки и довольствовался различными соками и минеральной водой, что заставляло многих смотреть на меня искоса.

– Хочу пить, – произнесла дочка моего друга, подходя ко мне.

На протяжении практически всего вечера я сидел за столом и медленно потягивал из бокала апельсиновый сок. Все остальные взрослые гости, выпив чуть ли не все спиртные напитки, находящиеся на столе и в запасниках ресторана, танцевали под веселую музыку. Мне танцевать не хотелось, так как я почти час танцевал вместе с детьми и теперь у меня болели ноги. К тому времени, когда подошла девочка, веселая музыка прекратилась и начала играть тихая и медленная, под которую все всегда танцуют обнявшись. Детям и одиноким это было неинтересно. Обернувшись на стол, я заметил, что, если судить по одиноко сидящим взрослым, без своей второй половинки был только я один.

– Что хочешь? – поинтересовался я, смотря, какие напитки находятся на столе.

– Вина, – ответила девочка.

– А? – не понял я. – Давай лучше соку, вишневого... хочешь?

– Вино лучше, – обиженно буркнула девочка. – Я уже взрослая, и мне можно пить вино...

– Лучше соку, – не уступал я, так как спаивать маленькую дочку своего друга мне не хотелось.

– Хорошо, – покорно согласилась девочка, решив, что спорить со мной бессмысленно.

– Минуточку, – протянул я и, привстав со стула, стал пробираться к стоящему неподалеку пакету с вишневым соком.

Взяв сок и обернувшись к девочке, я увидел, что она сидит рядом с какой-то молодой девушкой и о чем-то смеется вместе с ней. Откашлявшись и налив в бокал сока, я протянул его девочке, которая перестала разговаривать со своей знакомой, едва только я подобрался к ним. Девушка взглянула на меня на какое-то мгновение, а потом опустила глаза вниз, изредка поглядывая на девочку, которая пила свой сок, смотря то на меня, то на девушку, и улыбалась.

– Сашка, а ты хочешь пить? – поинтересовалась Катя у девушки, протягивая ей свой бокал.

– Спасибо, – девушка улыбнулась и, взяв бокал, немного отхлебнула. – Вкусно...

– Вкусно, но я хочу вина, а вот этот дяденька мне не раз-

решает! – пожаловалась Екатерина, взглянув на меня.

– Ты еще маленькая девочка, – протянул я, не оправдываясь, так как был прав. – Тринадцать – это не тот возраст, когда можно пить спиртные напитки. Особенно девочкам.

– Я уже не девочка, – буркнула дочка моего друга, – а тринадцатилетняя девушка. Правильно я говорю, Сашка?

– Ну... – девушка немного растерялась и удивленно взглянула на меня, – разве что чуть-чуть...

– Ура! – девчонка нагло показала мне язык и, соскочив с коленей девушки, бросилась к ближайшей бутылке красного вина.

– Спаиваете маленьких девочек?! – поинтересовался я с ехидством в голосе.

– Просто я считаю, что пусть лучше она попробует вино с нами, чем с какой-нибудь компанией, – ответила мне девушка.

– Ну да, возможно, вы правы, – согласился я.

– Вот! – произнесла девушка, поставив на стол бутылку красного вина.

Взяв два чистых фужера, я налил в них вина своим спутницам. Кате я налил чуть-чуть, так как решил, что вино ей может не понравиться – как-никак оно было достаточно крепким и отдавало спиртом. Девушке я тоже не стал наливать полный бокал и налил чуть больше, чем девочке. Взяв свой бокал и взглянув на меня, девушка улыбнулась, а вот Катя посмотрела хмуро и оскорбленно.

– А вы? – поинтересовалась девушка.

– Я за рулем, – произнес я и под хохот девочки поднял бокал с натуральным вишневым соком.

Мы стукнули свои бокалы краями и выпили. По кислому выражению лица девочки я понял – вино ей не понравилось, она тут же запила его соком. Девушка изящно отпила немного вина и поставила фужер обратно на стол.

– Мне здесь надоело, пойдемте в парк?! – предложила девочка, смотря на нас умоляющим взглядом.

– Ну... – растерянно протянула девушка, вопросительно смотря на меня.

– Пойдемте, – кивнул я.

Катя соскочила и бросилась к остальным детям – приглашать их пойти с нами.

– Непоседа, – вздохнул я, вставая со стула. – Кстати, мы не представились. Меня зовут Виктор, для друзей – Вик. Это, кстати, она придумала – после того, как посмотрела молодежный сериал «Клуб». Хотя я на героя оттуда ни капельки не похож.

– Очень приятно. А меня зовут Александра, можно просто – Саша, – улыбнулась девушка. – А откуда вы знаете Катю?

– Она дочь моего друга Данилы, – ответил я. – А вы?

– Я работаю с ее мамой и познакомилась с ней, когда она приходила к нам на работу. Веселая такая девочка...

– Да, – кивнул я.

Катя быстро собрала остальных детей, мы предупредили родителей, чтобы они не потеряли их, и отправились на улицу. Идея с прогулкой была очень удачной, так как после долгих дождей теплая погода была настолько приятной и теплой для души, что хотелось ходить и ходить, чувствуя тепло солнца, по которому все уже успели соскучиться. Да и парк был рядом – всего в одном квартале от ресторана. Хотя я не забыл предложить детям и Саше доехать до парка на моем автомобиле, но, как и ожидал, дети не приняли эту идею с восторгом и решили идти все-таки пешком. Мы с девушкой пожали плечами и отправились с детьми в парк.

Дети шли впереди нас и о чем-то разговаривали, поэтому через какое-то время я предпринял попытку заговорить с девушкой. Саша с радостью откликнулась на мою попытку поболтать, и мы стали разговаривать на самые разные темы, так как у нас оказалось много схожих интересов. Девушка любила читать книги, и в список ее любимых писателей – как современности, так и классики – входила половина и моих любимых писателей, поэтому поначалу мы говорили об общих предпочтениях – авторах и их произведениях. Потом постепенно перешли на то, кто где живет, с кем живет, работает, да и вообще разговорились о жизни. Больше всего удивило то, что девушка призналась мне, что свободна, во что не очень-то и верилось, так как она была привлекательной. Я не верил в то, как могла быть одинокой такая красавица: стройная, худенькая, с приятным лицом, привлекающим

к себе внимание своей добросердечностью. Серые глаза, но такие, что их цвет не казался простым серым, а наоборот – каким-то уникальным; таким, что в этих глазах можно было легко утонуть. В общем, она была милой и привлекательной, единственное, что, возможно, не позволяло ей стоять на одном уровне с моделями с обложек журналов – так это рост, она была немного ниже меня. Хотя ведь многие актрисы и певицы, несмотря на свой небольшой рост, считаются привлекательными и удачливыми. Да и многие парни, в их числе и я, считают, что девушка может быть одного с ними роста, но не выше – так же, как и я, – а рост девушки как раз подходил под мой. О том, что она была доброй и светлой, как солнце, говорил также и цвет ее волос – рыжий.

Добравшись до парка, мы отправились бродить по нему. Дети время от времени оборачивались в нашу сторону и о чем-то шептались и смеялись. Кататься на каруселях нельзя было по причине того, что вчера был дождь, а вот есть мороженое и отправиться в здание развлечений нам никто не мешал. Двое мальчишек тут же заняли игровые автоматы, имитирующие гонки на автомобилях, я, не удержавшись, вскоре к ним присоединился. Саша вместе с девчонками отправилась вначале к автомату, представляющему собой лошадь, а потом еще куда-то, но куда именно – я не видел, так как был занят игрой. Когда мы так прокатались около часа, я предложил и мальчишкам, и девчонкам отправиться кататься на картинге. Все восприняли эту идею с удовольствием.

– Идешь? – поинтересовался я у Саши, пропустив всех детей вперед.

Кроме нас, на картах никого не было, поэтому нам разрешили заплатить в конце, когда нам надоест. Саша взглянула на меня, и я понял, что она или стесняется, или боится кататься.

– Я не умею, – чистосердечно призналась девушка.

– Я научу! – пообещал я ей.

Минут десять я потратил на то, чтобы обучить Александру простейшим правилам управления картом – газ, тормоз и поворот руля. Она оказалась хорошей ученицей и скоро в заезде «один против одного» оставила меня с носом, опасно обойдя на повороте перед финишем, из-за чего сборная парней проиграла. Еще около часа мы провели на картинге, выявляя лучшего гонщика, которым в конце концов оказался один из мальчишек, – мы с Сашей все-таки решили поддаваться и время от времени просто притормаживали и пропускали детей. Расплатившись за картинг, я взглянул на время, было еще не поздно, но время пролетело незаметно – мы уже гуляли около двух с половиной часов.

– Куда теперь? – поинтересовался я у детворы. – Или к родителям? Не проголодались?

– Нет! – в один голос закричали ребята.

– Мы катались на ваших машинах, теперь идем кататься на лошадях! – произнесла Катя и зашагала по аллее.

Мы с мальчишками переглянулись и отправились вслед за

девочками. К моему огромному удивлению и, надо признать, несчастью, под словами «кататься на лошадках» девочки во главе с Катей подразумевали не катание в карете с запряженными в нее лошадьми или хотя бы одной лошадкой, а именно одиночное катание верхом. Причем количество коней, к моему глубочайшему сожалению, равнялось количеству человек в нашей компании. Девочки восприняли это с энтузиазмом и, мгновенно выбрав себе по лошадке, стали на них забираться; рассестся им помогала Саша, а затем и сама с легкостью оседлала коня, словно каждый день ездила верхом. Я тоже помог мальчишкам забраться на лошадей и участливо помахал всем рукой на прощание, учтиво пожелав удачного пути.

– А вы? – обратилась ко мне Саша, глядя на меня с лошади сверху вниз.

– Да... я... как-то лучше того... тут вас подожду... – растерянно забормотал я.

– Боитесь? – поинтересовалась Александра, улыбаясь и смотря на меня так, что я захотел запрыгнуть на лошадь и поставить ее на дыбы, чтобы у этой девчонки аж рот от удивления открылся.

Хотя, конечно, я отдавал себе отчет в том, что у меня бы не хватило на это мастерства, да и, если честно признаться, желания вместе с храбростью. Я за всю свою, казалось бы, долгую жизнь катался на лошадях раза два, да и то – в детстве на руках у матери. Мальчишки, сидящие верхом, смот-

рели на меня с пониманием и мужской солидарностью, каждый из них с радостью бы остался рядом со мной, а вот девчонки, так же, как и Саша, смотрели на меня с улыбками.

– Нет! – буркнул я.

– Значит, не любите лошадей! – заключила она.

– Ну... – протянул я растерянно.

– Если не любите – значит, просто не умеете их готовить! –

Саша улыбнулась своей шутке, собственно, как и все. – А если серьезно, вы же меня научили водить ваши карты, так что я не хочу оставаться в долгу и научу вас тому, как обращаться с лошадьми...

С этими словами она ловко, быстро, а главное – с элегантностью спешила и подошла ко мне. Я мгновенно ощутил желание взять руки в ноги и быстро дернуть куда-нибудь, так как лошадей старался обходить стороной и исключительно наблюдать за ними.

– На лошадь надо садиться справа. Поставьте ногу в стремя! Ну, не бойтесь...

Обреченно вздохнув, я послушно стал выполнять все поручения моей учительницы и скоро, к своему страху, забрался-таки на спину лошади. Ощущения были странные, особенно когда лошадь слегка опустила голову, и я лихорадочно вцепился в седло пальцами. Взглянув на мое бледное и перепуганное лицо, Саша улыбнулась и, взяв лошадь за узды, медленно повела ее, по дороге уговаривая меня отцепиться от седла и держаться ногами. Ага, сейчас! Хотя постепенно

я успокоился и отцепился, но на какое-то мгновение, пока лошадь опасно не покачнула меня.

Время катания на лошади оказалось для меня самым долгим. Когда же Саша отпустила лошадь и дала мне поводья, я чуть не взмолился о помощи, так как мои пальцы вцепились в седло и ни за какие коврижки не хотели держать поводья. Взглянув на меня и пожалев, она ловко взобралась на мою лошадь передо мной. Вначале я был искренне рад этому, как любой мужчина, рядом с которым оказалась симпатичная девушка, однако потом обнял ее и прикрыл глаза, когда она поскакала быстрее, чем движется улитка. Мне было стыдно и одновременно настолько хорошо с ней, что я вдруг почувствовал себя единственным человеком на земле. Пускай и не принц на белом коне, поскольку так и хочется уточнить: а где же все-таки принц? Но ведь тоже должен же хоть раз быть счастливым! Пускай моя сестра предала меня и я потерял веру в женщин – ведь они все обманывают, и, когда их любят, вдруг находят других, и уходят, больно бьют словами по лицу и по сердцу, смотрят не на человека, а на его материальное состояние... Все это есть, и даже больше, но ведь может быть одна иная...

– Все, приехали! – произнесла Александра.

Я даже и не заметил, как мы прокатались около тридцати минут, как не заметил и того, что нас уже просили расплатиться, да и мой друг звонит мне, интересуясь, где мы.

– Сейчас! – протянул я.

Слезая с лошади, я растянул ноги так, что у меня брызнули слезы из глаз, благо никто этого не заметил. Спешившись, мы помогли детям слезть, а потом, расплатившись и купив по мороженому, отправились обратно на праздник. Было уже темно, и поэтому мы держали детей возле себя, да они и сами сильно не отрывались от нас. Потихоньку, за шуточками и воспоминаниями о проведенном в парке времени, мы добрались до места празднования, где народу стало меньше раза в два – многие уехали домой по причине того, что завтра им нужно было на работу. А так как на работу нужно было всем, едва мы пришли, детей сразу забрали родители. Мой друг собирался побыть еще, ведь забронированное время заканчивалось только через час.

Из-за того, что я был за рулем, мне пришлось отвозить гостей по домам, а когда я возвратился, то, сколько ни искал, так и не смог найти Сашу. Поинтересовавшись, я получил подтверждение своей догадке – она уехала. И уехала через десять минут после меня.

* * *

На следующий день, в понедельник, после дня рождения, на котором я встретил Александру, я полдня только и делал, что вспоминал ее. Образ девушки крепко запечатлелся в моей голове и перед глазами, да так, что едва я закрывал глаза, как видел ее перед собой, а в ушах слышался ее приятный

голос, который я мог отличить теперь от миллиона любых голосов, и не только из-за того, что она мило и приятно для слуха грустнела. После обеда я пришел к выводу, что у меня нет ни одного желания, кроме как встретиться с этой девушкой во второй раз и попробовать с ней подружиться. К счастью для меня, Александра работала с женой моего друга, поэтому я позвонил ему и поинтересовался адресом места работы его супруги, которая была старшей продавщицей в торговой точке сети музыкальных магазинов, которых по стране в каждом городе было по несколько штук. Должность у жены друга была ответственной и очень хорошо оплачиваемой, а также очень удобной в том смысле, что любой ее знакомый мог найти новый диск, причем куда дешевле, чем в любом другом магазине. Я и сам множество раз приобретал через нее новые альбомы любимых групп или заинтересовавшие меня фильмы, вот только в большинстве случаев я просто звонил ей и заказывал их, а потом приезжал в выходные и отдавал деньги. Мое желание – отправиться в магазин для приобретения дисков лично – у друга, к моему большому удивлению, не вызвало никаких подозрений. Он лишь только попросил меня передать привет Александре.

Едва я узнал адрес магазина, как тут же рванул туда, не желая более оставаться в редакции, в которой я и так задержался. Пробки только начинались, и я, нервничая и барабанив пальцами по рулю, стоял на светофорах раза в два дольше, чем это было всегда – весь поток автомобилей не успе-

вал проскакивать до смены света. Через час я наконец-то добрался до нужной улицы и увидел витрины магазина, в котором работали жена моего друга и... Александра. Едва мотор автомобиля перестал гудеть, я вдруг осознал, что совершенно не придумал, как подойти к Александре, по какой причине и с какими словами. На секунду мною овладел страх, который чуть было не заставил меня включить двигатель и вжать педаль газа в пол, однако я быстро овладел собой и решил, что по ходу дела разберусь – как-никак уж не в первый раз, не какой-то там влюбившийся в одноклассницу мальчишка.

Подбодрив сам себя оценивающим взглядом в зеркало и решив, что в зеркале отразился вполне привлекательный мужчина, я вышел из салона автомобиля и, закрыв двери, направился в магазин. На его окнах были наклеены различные рекламы с новинками, одна из которых меня привлекла, так как это был акустический концерт моей любимой группы, вышедший всего несколько дней назад. Открыв дверь и оказавшись в магазине, я стал бегло осматриваться, ища глазами или Александру, увидеть которую мне хотелось больше всего и из-за которой я приехал, или хотя бы жену моего друга, чтобы с ее помощью найти Александру. Все помещение магазина занимали огромные стеллажи с дисками, возле которых ходили покупатели. Продавцы стояли в сторонке, ожидая, когда понадобится их консультация по какому-нибудь вопросу, касающемуся товара. С внутренней стороны у дверей стояли приборы безопасности, начинающие пищать,

если кто-то пытался вынести что-нибудь из магазина, не расплатившись, а также маячили двое молодых охранников. Свои вещи покупателям предлагалось оставлять в специальных ящиках под надзором этих самых охранников. Внутри магазина играл альбом какой-то новой эстрадной певицы, музыка и голос которой ничем не отличались от всех остальных молоденьких исполнительниц. Хотя, возможно, это для меня сложно различать их, а кто-то вполне разбирается. Что ж, вкусы разные...

– Здравствуйте, – счастливо и лучезарно улыбаясь, поздоровалась со мной Александра, незаметно оказавшись передо мной, пока я мотал головой по сторонам.

На ней была белоснежная блузка с бейджиком, сообщаящим, что она – продавец-консультант и зовут ее Александра, черная строгая юбка спускалась чуть ниже колен. Волосы ее были распущены и живописно спадали на ее худенькие плечи. Мне понадобилось некоторое время для того, чтобы я обрел дар речи.

– Здравствуйте, – поздоровался я в ответ – мы все еще были с ней на «вы», несмотря на то, что прошлым вечером провели долгое время вместе.

– Пойдемте, я провожу вас к Анастасии Дмитриевне, – произнесла Александра.

– К кому? – растерялся я.

– Ко мне, – произнесла жена моего друга, подходя к нам, – это для тебя я – Настя, а на работе я – Анастасия Дмитриев-

на. Привет! – Настя, подойдя ко мне, чмокнула меня в щечку в знак приветствия. – Какими судьбами заглянул к нам?

– Да вот, диски решил новые посмотреть...

– Ага, – кивнула Настя, подмигивая мне, – ладно, не буду мешать, а то у меня работа. Сашенька, помоги моему другу с выбором дисков. Когда закончите – зайдите оба ко мне. Пока! – Настя улыбнулась мне и быстро зашагала куда-то вглубь магазина.

– Что вас интересует? – полюбопытствовала Александра у меня.

«Вы», – хотелось честно ответить мне девушке на ее вопрос, но это было бы слишком неожиданно, поэтому я многозначительно посмотрел по сторонам и протянул в ответ следующее:

– Не знаю... А где у вас рок-исполнители?

– Сейчас покажу, – пообещала Александра.

Пройдя вслед за ней к стеллажам в самом конце магазина, я увидел нужные, на которых сверху было написано «русский рок», «иностранный рок», «металл». Каждый стеллаж имел чуть ли не десять ярусов, которые были разбиты на ящички, маркированные буквами алфавита. Не всеми, конечно, а только теми, на которые начиналось название хотя бы одной группы. Увидев столь огромный выбор, я мгновенно направился к ящичку с буквой «С», чтобы найти новый альбом моей любимой группы «Сплин». Поискав несколько секунд, я быстро увидел именно тот альбом, который хотел

купить. Взяв находку в руки, я выпрямился и обернулся назад. Александра все еще стояла позади меня и, когда я повернулся к ней, взглянула мне в глаза. Какое-то мгновение мы смотрели в глаза друг другу, потом, почти одновременно, смущенно отвели взгляды. Девушка взглянула на стоящего в метре от нее и смотрящего диски с эстрадной музыкой покупателя, а я повернулся обратно к дискам. Хотя, если честно сказать, то я первым отвел взгляд, так как никогда не мог смотреть кому-нибудь в глаза прямо, видимо, по причине моей робости.

– Могу я вам подсказать или помочь? – поинтересовалась Саша, когда я решил просмотреть все, что было в наличии из исполнителей российского рока.

– Да я просто так смотрю, – немного растерялся я, как это бывает всегда с любым человеком в магазине, когда к нему подходят продавцы и интересуются, могут ли они помочь. – Кстати, а вы какую музыку слушаете?

– Рок, – немного задумавшись, ответила Александра. – Почти все то же, что и вы! – улыбнувшись, она кивнула на диски в моих руках.

Я стоял и задумчиво перебирал диски у меня в руках, мне хотелось узнать точнее: какую именно музыку она слушает; что рок – это было понятно, а какие именно группы? На руках у меня были новые и старые, которых не было в моей коллекции, альбомы групп «Сплин» и «Би-2». Взглянув на диск группы «Би-2», я вдруг вспомнил о том, что они дава-

ли два концерта, один из которых был именно сегодня. Я на него не собирался, так как никто из моих знакомых не мог на него пойти, а мне, во-первых, не хотелось идти одному, а во-вторых, после дня рождения я еще нормально не отоспался. Несколько секунд я соображал, а затем мне в голову пришла блестящая мысль – пригласить Александру на концерт. Найти билеты за несколько минут до концерта для меня не составляло труда, так как одна из моих знакомых работала администратором концертного зала, в котором пройдет выступление, и отвечала непосредственно за распространение билетов.

– Вам нравится «Би-2»? – задав вопрос, я осознал, насколько он глупо прозвучал, ведь это было ясно.

– Ага, – кивнула девушка.

– Сегодня у них концерт... И у меня совершенно случайно есть лишний билет! Не хотите составить мне компанию? – поинтересовался я.

По растерянному взгляду девушки я понял, она не ожидала от меня такого предложения. Несколько секунд она просто молча стояла и хлопала глазками, потом, видимо, обдумав все, улыбнулась, и по этой улыбке я понял, что ответ будет отрицательный. Почему именно отрицательный – я не знал, а почувствовал это, взглянув на ее улыбку и взгляд.

– Спасибо за приглашение...

– Не за что, – перебил я ее, поняв, что расшифровал ее улыбку и взгляд совершенно правильно, – понимаю, это

немного неожиданно, и у вас дела... Просто я решил пригласить... кто знает, когда они приедут к нам в следующий раз.

Взгляд девушки снова стал задумчивым, так как она поняла, что в моих словах есть доля правды – никто не знал, когда они снова приехали бы к нам, тем более с таким грандиозным концертом. А тут ее приглашали на концерт, причем могли с легкостью отпросить у начальства отпустить ее чуть-чуть пораньше.

– Вы правы, – с грустью в голосе согласилась с моими словами девушка, – но я, к сожалению, как раз сегодня не смогу... Спасибо вам за приглашение!

– Да не за что, – улыбнулся я, понимая, что и вправду у нее могли быть заранее запланированные дела на этот вечер.

Наступил немного неловкий момент, я получил отказ на предложение провести вечер со мной на концерте вроде бы любимой обоими группы, а девушке было неловко за то, что она отказала и теперь тоже не знала, как это отразится на наших отношениях. Хотя какие там отношения – два раза встретились. Первый раз все время провели вместе с детьми, гуляя с ними в парке, а второй раз в магазине, когда я пришел купить диски, а она, оказавшись продавцом, стала помогать мне с выбором. Для сценария хотя бы даже дешевого и банального романа – и то не дотягивает. Мы оба понимали это, но ни один из нас не знал, что делать дальше. Я стоял и смотрел на диски, находящиеся у меня в руках, а Александра смотрела в сторону телевизора, по которому по-

казывали недавно вышедшую на экраны кинотеатров нашу новую молодежную комедию. Фильм был с интересным сценарием, поэтому скоро я вместе с ней стал смотреть фильм, собственно, как и большинство продавцов и несколько покупателей.

Покупатели заходили в магазин и выходили, некоторые продавцы, в основном новички-стажеры, отвлекались от просмотра фильма и направлялись к зашедшим покупателям с желанием помочь в выборе или поисках чего-либо, продавцы же наподобие Александры просто стояли и смотрели фильм, то и дело смеясь, так как комедия и вправду была смешной. Почти два часа просмотра фильма проскочили незаметно, и скоро на экране побежали строчки титров.

– Я подумываю о том, чтобы открыть кинотеатр, – задумчиво протянула Настя, осматривая собравшихся и смотрящих фильм продавцов.

Все моментально разбежались по магазину, кроме Александры, которая неуверенно спряталась за мою спину, точнее, стояла позади меня на один шаг. Настя усмехнулась и бросила взгляд на диски в моих руках.

– Я вижу, Сашенька помогла тебе с выбором? – уточнила Настя у меня.

– Ага, – кивнул я, – хороший у вас магазин. И продавцы, кстати. А этот фильм у вас есть в продаже?

– Конечно, – быстро ответила Саша за моей спиной, неуверенно делая шаг вперед. – Показать?

– Можно, смешной фильм. Кстати, я давно не увеличивал свою кинотеку новыми фильмами, поможете мне с выбором?! – поинтересовался я у Александры.

– Да, конечно, – девушка поспешно кивнула и стала смотреть на свою начальницу, которая стояла и улыбалась:

– Ладно, не буду вам мешать, не забудьте только зайти ко мне, когда все выберете...

Когда Настя отправилась в сторону кассы для уточнения каких-то вопросов по работе, я в сопровождении прекрасной Александры отправился в сторону дисков с фильмами. Наши с ней вкусы в предпочтениях фильмов совпали так же, как и в музыке, поэтому мы долгое время выбирали мне новые фильмы – и те, которые, по словам девушки, были хороши, и которых не было в моей коллекции. Во время выбора мы также обсуждали просмотренный фильм, смеялись над моментами, которые нам особенно запомнились, а также делились фантазиями относительно концовки фильма. Время, проведенное за выбором дисков, пролетело незаметно, и, когда мы оторвались от огромного выбора фильмов и мультфильмов, диски пришлось держать в двух пакетах. На улице уже стемнело, автомобили включили фары, а многие люди спешили с работы по домам, чтобы приготовить ужин, посмотреть какой-нибудь сериал и лечь спать. Поэтому мы не стали тянуть время и тут же направились к Насте.

– Ой, – ойкнула Настя, увидев нас, входящих в ее кабинет. Правда, перед входом Александра осторожно постучалась и

стояла бы, ждала приглашения войти, если бы я не вломился в кабинет ее начальства. – Ты что, решил скупить весь наш ассортимент товара? Сашенька, с сегодняшнего дня у тебя повышение, раз ты так отлично умеешь работать с людьми, ведь этот молодой человек такой жмот, что его все время звали евреем. А ты, в связи с таким количеством приобретенного товара, получишь от нас сегодня скидку.

– Я другого и не ждал, – улыбнулся я.

– Ладно, давайте, идите в кассу, а то мы уже скоро закрываемся...

Саша провела меня до кассы, и только тогда я взглянул на часы – было почти семь часов вечера, точнее – без двадцати. Магазин был круглосуточный, продавцы работали в две смены – ночную и дневную. Роль Насти в ночное время выполнял старший продавец ночной смены, молоденький парнишка лет двадцати, пришедший за десять минут до семи часов. Расплатившись за диски, я отправился к автомобилю и, когда захлопнул дверь, то увидел выходящую из магазина дневную смену. Закрыв дверь автомобиля, я бегом бросился к ним, так как мне не хотелось упустить Александру.

Она шла возле Насти и о чем-то с ней разговаривала, скорее всего, о повышении – если, конечно, это не было шуткой.

– Все, отработали? – поинтересовался я у девушек.

– Да, домой, – протянула Настя.

Александра ничего не ответила, лишь молча кивнула и улыбнулась мне в ответ.

– Вас подвезти? Я на машине, – предложил я Александре. Девушка растерялась, не зная, что ответить. Мое предчувствие тоже как-то странно молчало, словно в этот момент решался поворотный момент в моей судьбе и судьбе девушки, причем все зависело от нее.

– Соглашайся, что задумалась?! Не стоит ночью ходить одной, если такой кавалер предлагает тебе свой автомобиль. Можешь не бояться, он не маньяк, я его уже долгое время знаю...

– Ну, если так, – немного неуверенно протянула Александра.

– Езжайте, не тяните. Может, недолго в пробках будете стоять! – поторопила нас Настя.

– Можно, – согласилась Александра.

Я чуть не подпрыгнул от радости, так как у меня был шанс подвезти девушку до дома и, возможно, по дороге познакомиться с ней поближе. Когда она села в салон автомобиля, я, взглянув на нее, увидел, что она немного стесняется, поэтому предложил ей выбрать какой-нибудь диск и поставить его. Девушка согласно кивнула и, обернувшись назад, вытащила первый пакет с дисками, в котором была музыка. Минут десять мы выбирали диск, но потом остановили свой выбор на новом альбоме группы «Би-2».

– Ой, а вы же пропустите концерт! – спохватилась Саша.

– Чтобы я отпустил такую девушку одну в ночь! Да я лучше пропущу концерт, тем более – одному там все равно будет

скучно. Кстати, предлагаю перейти на «ты»! – предложил я.

– Согласна, – на секунду задумавшись, ответила Александра. – А где вы... то есть ты работаешь?

– В газете, – признался я, – пишу статьи...

Дальше разговор зашел обо мне и моей работе. Ее очень заинтересовало то, что я время от времени встречался с писателями, она спрашивала, с кем я знаком, какие они из себя люди, и вообще ее глаза горели счастливым огнем. Смотря на нее, я решил, что надо обязательно устроить ей встречу с любимым отечественным писателем, тем более его я знал лично, и он был отличным парнем.

Разговаривать с Александрой для меня было настолько легко, что скоро я почувствовал, что могу рассказать ей все, что она пожелает, кроме того, конечно, что у меня есть, точнее была, сестра. Саша тоже поведала о себе, о том, на кого училась, где родилась, как попала на работу, поделилась своими мечтами на будущее. Мечты были простыми – ей не нужно было миллиардера с личным аэропортом, сотней яхт и особняками в столице каждой страны. Напротив, ей нужен был простой парень, который любил бы ее и ценил такой, какая она есть.

– ...Сейчас направо! – прервав веселый рассказ из прошлой студенческой жизни, произнесла Александра.

Я быстро включил поворотник и стал притормаживать для того, чтобы свернуть во дворы. Саша вначале хотела, чтобы я довез ее до автобусной остановки, от которой ей бы-

ло идти всего ничего – минут десять, но я напросился на то, чтобы довезти ее прямо к подъезду. Сопротивлялась она исключительно для того, чтобы не выглядеть в моих глазах слишком податливой, так как сопротивление длилось не более двух-трех минут, несмотря на то, что мои аргументы были смешными и несерьезными. Сворачивая во двор ее дома, я вдруг осознал, что совершенно не имею представления о том, как набиться к ней в гости, так как никогда не имел такого опыта. Моменты из фильмов и книг, которые появляются именно в такие мгновения, когда твой разум сам не способен быстро найти решение, никак не всплывали в голове. Поэтому я стал быстро и лихорадочно придумывать, так как мне почему-то отчаянно не хотелось ехать домой, а хотелось провести с Александрой еще как можно больше времени. В конце концов, ведь не обязательно же, напрашиваясь к девушке в гости, рассматривать это только как вариант оказаться в ее постели! Дорога к дому оставляла желать лучшего, поэтому я то и дело слышал глухие удары подвески, стараясь при этом не материться и улыбаться как можно снисходительнее. Саша почему-то замолчала, прервав свой рассказ на середине, и стала всматриваться то в дорогу, то в мое лицо, улыбка на котором была настолько неестественной, что меня точно не приняли бы в актеры.

– Сейчас направо, но там дорога еще хуже... – тихо произнесла она, взглянув на меня.

– Не подлизывайся, я обещал доставить тебя к подъезду,

значит – доставлю.

– Может, тогда оставим машину здесь и пройдем пешком? А то вам... – Саша смущенно раскашлялась под моим взглядом. – То есть тебе потом трудно будет выезжать.

– М-м-м, – промычал я, так как в ее словах была логика, – но...

«Бум!» – стукнула подвеска о кузов с такой силой и звуком, будто пробила его.

– Твою мать! – не сдержался я. – Прошу прощения! – повернувшись к Александре, попросил я, так как было некрасиво ругаться при ней, тем более что ей и так было неприятно, что все это происходит по дороге к ее дому. – Хорошая идея, тем более что я уже устал сидеть...

– Здесь нужно ездить на джипах, – улыбнулась Саша.

– Да, – протянул я, прижимая автомобиль к краю дороги и глуша мотор.

Оказавшись на улице, я мгновенно передумал идти пешком: было прохладно и дул неприятный и пронизывающий, казалось, до костей ветерок, но затем, когда Саша взяла меня за руку, чтобы я не запнулся, передумал. Народу на улице, несмотря на холодок и позднее время, было много, в основном – молодежь и спешащие домой с сумками родители.

– Люблю ночное время, – протянул я, – город кажется сказочным и невероятным...

– И не видно разбитых дорог и грязи, – поддержала меня Александра.

– Нет в тебе романтика, – буркнул я наигранно обиженным тоном. – Так что там было дальше?

– В общем, мы... – продолжила свой рассказ Саша.

Через каких-то пять минут мы остановились у подъезда. Александра замолчала и стала поглядывать на окна, я стоял и боролся со своей скромностью. В общем, был неловкий момент.

– Ну, – протянула она, – я пойду. Спасибо, что довез...

– Да не за что, – растерялся я, момент уходил из моих рук быстрее, чем я того ожидал, а в голове ничего не было, кроме банального. – Я бы не отказался от чашечки горячего кофе, а то прохладно! – протянул я все-таки.

– Что? – переспросила Александра.

– Я бы не отказался от чашечки горячего кофе, – послушно повторил я.

– Понятно, – кивнула она, слегка отворачиваясь в сторону. – Пить кофе вечером – вредно для здоровья. Пока!

Я не успел ничего ответить, так как Саша быстро нырнула в подъезд и скрылась. Несколько минут я молча стоял и смотрел на окна, ожидая, что она передумает и позовет меня к себе в гости, но, поняв, что это глупо, развернулся и зашагал в сторону автомобиля.

* * *

Вторник казался мне долгим и тянущимся целую веч-

ность.

Приехав домой и обдумав все произошедшее, я вдруг пришел для себя к выводу, что Александра имеет все основания на то, чтобы обидеться на меня. Ведь мои действия можно растолковать так, словно я принял ее за ту, которая, увидев дорогой автомобиль и деньги, быстро соглашается, чтобы к ней зашли в гости и остались на ночь в ее постели. Всю ночь я промучился от этого вывода, а следующий день провел, обзванивая друзей и пытаясь придумать способ извиниться. Способов предлагали много, но в конце концов я решил последовать самому простому и старому – букет любимых цветов и коробка конфет. Проблема была в том, что я не знал, какие цветы у нее любимые, поэтому пришлось положиться на профессионализм своих друзей и продавщицы цветов, которые, к удивлению, сошлись лишь на одном варианте – розы. Скупив в магазине все розы в хорошем состоянии, а их число было равно двадцати одному, я направился покупать конфеты. С выбором конфет тоже возникли проблемы, но, купив подарочную французскую коллекцию конфет, я быстро отправился к магазину, в котором работала Александра.

Пробки едва не сорвали мой план, так как я приехал за пять минут до окончания рабочего дня. Поставив автомобиль возле магазина и вытащив букет, я стал ждать Александру. Прохожие с удивлением и интересом оборачивались на меня. Девушки улыбались, а парни тяжело вздыхали, понимая меня, так как каждый проходил через такое. Меня заме-

тили быстро, так как витрины магазина были стеклянные, а не увидеть меня с таким букетом было просто невозможно. Несколько продавщиц подтащили Александру и почти выпихнули ее из магазина. Она сопротивлялась, грозила своим подругам расправой, а оказавшись на улице, стала смущенно оборачиваться по сторонам и делала вид, что в упор меня не видит.

– Александра, – позвал я ее.

– Привет, – она сделала несколько неуверенных шагов в мою сторону и замерла.

Все работники магазина прилипли к окнам; люди, проходя возле, замедляли шаг, а миновав нас, либо оборачивались, либо вообще останавливались и смотрели. Все это, конечно же, не улучшило ситуацию, если даже не ухудшило, так как моя робость моментально стала шептать мне, что это была глупая затея с самого начала.

– Кгхм, – откашлялся я для того, чтобы совладеть со своим страхом. – Александра, прошу вас простить меня за то, что я вчера дал повод думать, что веду себя подло и низко... Я не Казанова и не красавчик, чтобы девушки бегали за мной, просто твоя... – я растерялся и замолк, так как чуть не ляпнул лишнее.

«Сунь ей в охапку букет и беги!» – вначале шепотом, потом во весь голос стала кричать робость вкупе с самоуважением и разумом, только сердце старалось подобрать слова и удержать меня.

– За... что... простить? – растерянно пробормотала Саша.

– За то, что я вчера, ну... В общем, напрашивался в гости, хотя мы были знакомы чуть больше дня! Надеюсь, мы продолжим... – я замолчал, стараясь найти слова.

– Ой, – рассмеялась Александра. – Да я и не обижалась... И ничего, кстати, такого о тебе не подумала!

– Правда? – как-то по-детски уточнил я.

– Ага, – чистосердечно подтвердила она.

– Тогда прими этот букет и конфеты в знак моего желания быть твоим другом, – я протянул цветы и конфеты той, для которой все это и было, собственно, приобретено.

– Спасибо... не нужно было... – забормотала Саша, беря букет.

Внутри магазина все громко закричали и зааплодировали, в общем-то, как и собравшиеся на улице зрители. Я стоял и улыбался, как сумасшедший, и не знал, куда девать свои чувства, которые переполняли меня изнутри, так как Александра простила меня и приняла мою дружбу. А, как говорится, от дружбы до любви – один шаг, так что я был на седьмом небе от счастья. Она же просто стояла и принюхивалась к аромату цветов, пряча в них лицо.

– Ты домой? – поинтересовался я у нее, подходя поближе. – А то с таким букетом будет трудно на автобусе... да и, кроме того, раз я друг, то просто обязан отвезти тебя домой. Тем более что я виновник того, что у тебя этот букет... да и волноваться буду...

– Хорошо, – улыбнулась Саша, поднимая лицо из букета.

По розовым щечкам я сразу понял, что немного смутил ее, но искрящиеся глаза наградили меня самой выразительной оценкой этой моей глупости с букетом цветов и заставили почувствовать себя самым романтическим человеком на Земле. Заметив, что прохожие все больше и больше начинают интересоваться тем, что происходит между нами, я быстро открыл переднюю пассажирскую дверь, приглашая Александру сесть внутрь автомобиля. Она не заставила себя долго упрашивать, и я тут же, захлопнув за ней дверь, оббежал автомобиль, чтобы сесть на свое водительское кресло и отвезти ее домой. Когда я обходил автомобиль, меня посетила гениальная идея – а что, если пригласить ее в ресторан, ссылаясь на попытку загладить свою вину за вчерашнее? Садясь в салон, я чувствовал уверенность в гениальности своей идеи, как и в том, что ответ Александры, скорее всего, будет положительный. Но, как это всегда бывает с не очень-то решительными людьми, к которым я, к сожалению, и отношусь, сев в салон, я почувствовал, что уверенность упала до самой минимальной отметки.

– Ты вчера попал на концерт-то? – любопытствовала Саша, едва я сдал задним ходом и выехал на дорогу.

– Концерт? – переспросил я, стараясь припомнить, на какой такой концерт я вчера собирался.

Это было тяжело сделать, ведь мысли только стали успокаиваться и перестали крутиться вокруг одной лишь лично-

сти Александры, так как весь день я только и делал, что думал о ней и о том, как мне можно исправить содеянное вчерашним вечером.

– «Би-2», – уточнила Александра, растерянно смотря на меня, ведь вчера я предлагал ей составить компанию, а теперь совсем забыл об этом.

– Нет, не попал, – вспомнив, ответил я, – одному туда было как-то неинтересно ехать, да и, если честно, спать хотелось...

– Тоже привык высыпаться на выходных за всю неделю? – улыбнувшись, полюбопытствовала Саша.

– Ага, – согласно кивнул я, – хотя не могу долго спать, максимум – до двенадцати. Иначе потом просыпаюсь злой, как африканский голодный лев, и начинаю рычать...

– А что так? – рассмеявшись, полюбопытствовала Саша.

– Голова гудит так, словно я пил не просыхая, наверное, с месяц... – чистосердечно признался я.

– Я тоже не могу спать долго, даже если сильно устану. Мой внутренний будильник меня поднимает самое позднее в двенадцать, а в основном я сплю только до одиннадцати.

Александра замолчала, я тоже не знал, о чем говорить, поэтому стал прислушиваться к радио, автоматически включившемуся само по себе, едва я завел мотор. По радио шла вечерняя программа, в которой ведущий проводил веселые конкурсы и пытался угадать анекдоты, рассказываемые дозвонившимися. Если бы он не смог отгадать анекдот, то до-

звонившийся получил бы его книги с личным автографом. Заметив, что Александра тоже стала прислушиваться к передаче, я сделал звук чуть громче, и скоро мы стали вместе смеяться над анекдотами. Смех девушки завораживал своим звучанием, словно это пела маленькая птичка с прелестным голоском, я же почему-то всегда не мог смеяться с открытым ртом и, даже если сильно веселился, то лишь широко улыбался. Александра смеялась исключительно над смешными и не пошлыми шутками и анекдотами; если же в них присутствовали пошлость или черный юмор, она лишь смущенно посматривала искоса на смеющегося меня и обреченно улыбалась. Причем улыбка ее относилась не к юмору, а ко мне, мол, какой он смешной, что смеется над такой пошлостью...

– Ой, – ойкнула она, когда я проскочил перекресток, от которого до ее дома было еще добрых три или четыре квартала. Дорога была не очень загруженной, поэтому мой автомобиль легко набрал хорошую скорость. – Вот здесь где-нибудь оставь меня...

– Здесь? – переспросил я, включая поворотник и переключаясь к краю дороги. – Мы же еще не приехали?!

– Мне надо на рынке кое-что купить, – ответила Александра.

– Понял, – понятно кивнул я и быстро нырнул в свободное место между двумя автомобилями, которое, как в сказке, освободилось благодаря выехавшей прямо передо мной машине.

– Вы что, со мной пойдете? – от растерянности она снова перешла на «вы».

– Я же обещал, что довезу до дома, тем более как ты по-несешь покупки – у тебя руки уже заняты благодаря мне... Да и пять минут роли не сыграют, – произнес я и в знак того, что мое решение не оспаривается и не пересматривается, открыв дверь, вылез из салона автомобиля.

Александра, обреченно вздохнув, вылезла за мной, и мы отправились на рынок, точнее – в огромный универсальный магазин, возле которого располагался небольшой овощной рынок. Вообще, я ненавижу хождение по магазинам, наверное, как и все представители сильного пола, которые не могут понять: что их половинки находят интересного в хождении по рядам, чтобы в конце концов вернуться к началу? Но время, проведенное с Сашей, проскочило очень быстро и незаметно. Хотя когда мы вышли из магазина, я нес около шести сумок, набитых различными товарами, а во рту у меня была моя любимая карамель, которую в рот мне положила сама Александра, из-за чего ее вкус стал раз в десять слаще. Как пояснила Саша, когда мы ходили по рядам, им выдали аванс, вот она и решила пополнить свои запасы, постепенно сократившиеся. Подойдя к автомобилю, я попросил ее залезть ко мне в карман и вытащить оттуда ключи. Вначале она испуганно взглянула на меня, но, увидев, что самостоятельно у меня это не получится, согласилась, хотя то, что ключи находятся в заднем кармане брюк, ее немного

остановило. Но в конце концов девушка все-таки нашла их, пусть и покопавшись при этом в кармане. Я даже не мог себе представить, что ее маленькая ручка утонет в моем кармане для того, чтобы добраться до его дна!

– Мамочки! На меня прохожие оборачиваются, – пропищала Александра, смущенно опуская глаза.

– Ты же ничего такого не делаешь, просто вытаскиваешь ключи из кармана брюк, причем – заднего. Вот если бы из переднего... Тогда бы они даже запинались...

– Не смейся меня, – попросила она, – я не могу до них дотянуться... Вот, все, достала!

– Молодец, – похвалил я Сашу, еле-еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, так как и вправду прохожие оборачивались на нас, – теперь нажми на красную кнопку на брелоке, а потом на кнопку, на которой нарисован открывающийся багажник.

Я подошел к багажнику и стал ожидать выполнения Сашей инструкций, которая подошла вплотную к автомобилю и нажала на кнопку, – причем когда он отозвался ей пискom, она чуть не выронила ключи от неожиданности или радости. Взглянув на меня и получив утвердительный кивок, она нажала на следующую кнопку, и багажник стал медленно открываться. Несколько проходящих парней, не увидев меня, стали с интересом засматриваться на девушку, ведь в тот момент она была мечтой любого представителя сильного пола – красивая, привлекательная, с милым лицом, идеальной фи-

гуркой и при этом – на дорогом автомобиле марки «Мерседес».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.